

**Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ**

Вкус денег

Агентство «Глория»

Фридрих Незнанский

Вкус денег

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Вкус денег / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Агентство «Глория»)

Когда-то ему удалось смыться за пределы нашей Родины вовремя. Вовремя, чтобы остаться в живых. Потому что ниточка его походов, разматывающаяся со случайной драки, могла потянуться очень далеко... Теперь он вернулся в «новую Россию». Вернулся, почувствовав запах больших денег. Но деньги достаются дорогой ценой. Ценой войны, в которой «правила игры» – все новые преступления. Ценой опасности. Ценой риска. Ценой жизни, в которой не доверяешь уже ни другу, ни врагу и опасаясь каждого своего шага, – потому что по пятам за тобой следует закон. Закон официальный – и закон воровской. Какой сильнее – кто скажет?..

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Денис Грязнов. 24 марта	5
Гаффар Мусаевич. 23 марта	13
Денис Грязнов. 24 марта	14
Роберт Ненашев. 24 марта	19
Денис Грязнов. 24 марта	23
Роберт Ненашев. 24 марта	29
Денис Грязнов. 25 марта	32
Роберт Ненашев. 25 марта	33
Роберт Ненашев. 25 марта	36
ЧДА «Глория». 25 марта	40
Роберт Ненашев. 25 марта	42
Гаффар Мусаевич. 25 марта	46
Адвокат Гордеев. 25 марта	48
ЧДА «Глория». 25 марта	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Фридрих Незнанский

Вкус денег

Часть первая

Денис Грязнов. 24 марта

Дениса мучила дилемма: очень хотелось посмотреть в рабочее время футбол, но совесть не позволяла. Эти муки он терпел до начала трансляции, но в самый последний момент нашел таки компромисс: наложил на себя обет не курить как минимум до завтрашнего утра, после чего уже со спокойной совестью заперся в кабинете и включил телевизор.

«Спартак» играл товарищеский матч в Токио, поэтому его показывали посреди дня – в Японии-то уже поздний вечер. Когда московский мэр пребывал в Стране восходящего солнца с визитом, он и предложил провести этот матч. Но триумф красно-белых, на который мэр без сомнения рассчитывал, так и не состоялся. Удивили всех, как водится, именно японцы. В конце второго тайма, когда счет стал 2:0 в нашу пользу, а по справедливости должен был стать 10:2 в пользу хозяев, Денис начал ругать спартаковских защитников в полный голос, не заботясь более ни о конспирации, ни о сохранении в агентстве производственной дисциплины.

И тут же в дверь возмущенно забарабанил Макс:

– Эй, начальник! Совесть имей, открывай!

Пришлось открыть.

– Смотрел в Интернете – ни фиги не видно, – пробурчал Макс, нервно наматывая прядь из бороды на указательный палец, что являлось у него признаком крайнего раздражения. – Коннект гнилой!.. А-а-а!!! – Тщедушный японец, весом от силы килограмм пятьдесят, разбросал нашу оборону и ударил в верхний дальний от вратаря угол – тот только глаза широко успел раскрыть. – У-у-у! – Мяч попал в штангу. – Нет, ты видел?! Не-е-ет!

В коридоре, привлеченные криками, показались Щербак с Головановым.

Судья, слава богу, уже поднес свисток ко рту. Все, кошмар закончился. Денис успел щелкнуть пультом прежде, чем Щербак с Головановым вошли в кабинет.

– Футбол втихара смотрите? – как бы в шутку, но с некоторой долей обиды в голосе спросил Щербак.

Спас Дениса телефон, а точнее – Гордеев.

– Ты можешь немедленно приехать в мотель «Лесной»? – Путано, что на него было абсолютно не похоже, он объяснил, как туда добраться.

– А попозже нельзя? – на всякий случай уточнил Денис.

– Нельзя. У меня только что убили ключевого свидетеля.

15.14

Денис прибыл первым, ни местной милиции, ни машины экспертов видно не было. Зачем, спрашивается, было гнать, как ужаленному? Может, Гордееву вообще привиделось и не было тут никакого убийства?

Денис огляделся на всякий случай, механически срисовывая подходы к предполагаемому месту преступления. Ничего подозрительного и ничего интересного: большая полупустая автостоянка, достаточно уродливый фонтан, он же по совместительству пожарный водоем или,

возможно, часть системы кондиционирования. Сам мотель – узкое кирпичное шестиэтажное здание в форме буквы «г», ранней постсоветской постройки, дотурецкий период.

На крыльце появился Гордеев и призывно замахал рукой.

– С местной службой безопасности я договорился, – торопливо пояснил он, нервно потирая подбородок. – Со следователем тоже попробую, когда он придет. Ты сможешь все посмотреть и переговорить, с кем сочтешь нужным.

– Так кого убили? – поинтересовался Денис.

– Тут, понимаешь, пропал без вести один из совладельцев этого мотеля, некто Дмитрий Ненашев, мне поручили его найти. Полчаса назад я узнаю, что есть человек, который утверждает, что Ненашева убили, а двадцать минут назад этот человек сам оказывается покойником. Поговорить с ним я так и не успел. Я понимаю, что сейчас не лучший момент для выяснения обстоятельств исчезновения Ненашева, но эти дела, вне всякого сомнения, связаны, и нужно постараться по горячим следам выяснить, не поделился ли убитый с кем-то из персонала или постояльцев своими знаниями. Возможно, это и послужило причиной его убийства. – Гордеев потащил Дениса внутрь. – Опергруппу Ненашев интересоваться не будет, поэтому попробуем работать параллельно: не пересекаясь и не мешая друг другу. Я беру на себя сотрудников Ненашева, а ты – постояльцев и персонал мотеля.

– Одну минуточку, – остановил Гордеева Денис, который никогда не забывал, что приятельские отношения с Юрием – это одно, пусть существенное, но далеко не самое главное в работе. На шее же Дениса висело его агентство «Глория», сотрудники которого почему-то постоянно хотели кушать и иметь достаточно пристойную для их положения зарплату. – Как ты мыслишь в данном случае наше сотрудничество?

– За это не беспокойся. Я учту твою помощь при получении гонорара.

– Не мою, Юра, а «Глории».

– Ну, естественно. Как скажешь. По договору я могу привлекать частных детективов. Если хочешь, оформим официально. Только чуть позже, а то...

– Нет вопросов. Идем.

У не подающего признаков жизни лифта их поджидал гражданин средних лет весьма озабоченного вида.

– Грязнов, – представился Денис.

– Андреев. Начальник службы безопасности. – Он придиричливо изучил удостоверение Дениса, потом его самого и добавил: – Андрей Анатольевич.

Гордеев удалился на шестой этаж, объяснив Денису, где его найти, и заявив, что не хочет путаться под ногами у профессионалов.

– Кто и когда обнаружил тело? – спросил Денис.

– Горничная и официантка в 14.50. Пойдемте.

Но далеко они не ушли, поскольку вдруг появился цветущий молодой человек с погонами старшего лейтенанта, местный опер, видимо, и тоже захотел поучаствовать. Его удостоверение Андреев изучал с не меньшим тщанием, чем удостоверение Грязнова, а опер тем временем разглядывал «бейдж» Андреева и подозрительно косился на Дениса, но так и не спросил, кто он. Денис в свою очередь тоже на знакомство набиваться не стал.

– Оперуполномоченный Майский, значит? Из Южно-Бутовского РОВД? – недоверчиво переспросил Андреев, возвращая корочку. Очень легкомысленная фамилия для мента и слишком соответствующая цветущему виду ее обладателя.

– Точно так, – широко улыбаясь, подтвердил опер.

– Ну-ну, – хмыкнул Андреев.

По лестнице они поднялись на пятый этаж, прошли через небольшой холл мимо каморки, набитой ведрами и пылесосами. Андреев неустанно руководил движением: сюда, не туда, здесь сворачиваем, там не задерживаемся. В каморке сидели две перепуганные девицы, очевидно,

те самые горничная и официантка. Андреев повелительно кивнул им, мол, никуда не расходитесь, ожидайте дальнейших указаний, а сыщикам соответственно – проходим, не время сейчас, подождут. Этот стрелочник определенно действовал Денису на нервы.

На этаже было всего восемь номеров: четыре в том же крыле, где и холл, и четыре за поворотом. 503-й, находившийся ближе к служебной лестнице, прямо напротив лифта, приоткрыт, остальные – закрыты. Андреев остановился перед дверью 503-го.

Убитый лежал лицом вниз на ковре, в двух метрах от входа, головой к двери. На нем были только «адидасовские» спортивные штаны, закатанные по щиколотку и тапочки на босу ногу. Довольно плотный мужчина, на вид со спины – лет сорок – сорок пять. Майский присел на корточки и дотронулся до его шеи тыльной стороной ладони:

– Еще теплый, полчаса как преставился, не больше.

Денис порог номера не переступал, держался в сторонке, но смотрел в оба, не собираясь полагаться на выводы Майского, который не выглядел слишком опытным. Кожа у убитого была очень бледная (даже для трупа), и еще более бледные пятна на спине и плечах, похоже, он потерял много крови, возможно, причиной смерти было ранение в грудь. Судя по размерам лужи на ковре, крови вытекло не меньше двух литров.

Воздух был влажным, как в парилке: из ванной выбивались клубы пара, по звуку похоже, что горячий душ включен на всю катушку. Опер хотел было зайти проверить, но для этого ему пришлось бы сойти с ковра на мокрый пол, а значит, наследить до появления дежурной группы. Поколебавшись, он все-таки решил пока никуда не ходить и ничего не трогать.

Андреев, наблюдавший из коридора, пояснил:

– Убитый – Лесников Сергей Сергеевич из Волгограда. За последние два года останавливается у нас в третий раз, я проверил по компьютеру все учетные записи. Теперь посмотрите на служебной лестнице.

Посреди лестничного пролета около корзины для мусора стоял мужик в спецовке, электрик или телефонист – из карманов у него торчали пассатижи и моток провода. В руках он сжимал топор для разделки мяса. При появлении Андреева сей страж проворно посторонился.

В корзине лежала скомканная газета. Под ней – кожаные перчатки. Под перчатками – ключ от 503-го и пистолет с глушителем. Пистолет явно импортный – с отечественными Денис был знаком досконально, – этот ни на один из известных ему не походил.

– Кто обнаружил пистолет? – спросил Майский у Андреева.

– Я, кто же еще? Когда меня вызвали в пятьсот третий, я сразу проверил служебную лестницу. Мусорная корзина была слегка сдвинута, я проходил здесь за полчаса до того и прекрасно помню, что она стояла не так.

– Вы до нее дотрагивались?

– Я что, по-вашему, идиот?

«По-моему, ты козел», – подумал Денис.

Для порядка обмотав руку носовым платком, опер вытащил газету. Она была свежая, за двадцать четвертое марта – первая страница сборника рекламных объявлений, в колонке «Работа» красным маркером обведено: «16 вакансий для молодых, инициативных, коммуникабельных».

И вот наконец появилась дежурная оперативно-следственная группа. Гордеев шел рядом с чудовищно сутулым следователем и что-то настойчиво ему втолковывал. Денису он махнул рукой: мол, работай, все улажено, но следователь очень вежливо попросил Дениса пять минут подождать. Ждать пришлось минут двадцать: едва взглянув на тело, следователь взялся долго и нудно инструктировать прибывших с ним муровских оперов и Майского. Наконец дошла очередь и до Дениса.

– Уточкин, старший следователь Чертановской межрайонной прокуратуры, – представился он. – У меня нет формальных оснований запретить вам заниматься этим делом, но если

ваша деятельность будет препятствовать официальному расследованию, вам гарантированы неприятности.

Денис согласно кивнул и отправился на шестой этаж к Гордееву.

Гордеев сидел в приемной один, пил то пиво, то кофе, курил и смотрел по телевизору футбол (ту же товарищескую игру в Токио, но в записи). Матч только что закончился, зрители продолжали бесноваться на трибунах, те, что проходили мимо оператора, орали что-то нечленораздельное и размахивали плакатами. Наш телерепортер безуспешно пытался поймать старшего тренера «Спартака», потом хоть кого-нибудь из его помощников, в конце концов вцепился как клещ в незнакомого Денису унылого господина лет пятидесяти и радостно закричал в микрофон:

– Интервью нам согласился дать вице-президент клуба Анатолий Фомич Паршин. Анатолий Фомич! Скажите, пожалуйста, два-два – результат по игре?

Что ответил Паршин, так и не показали, режиссер трансляции переключился на другую камеру, решив, что интервью мэра важнее.

– У «Спартака» огромный потенциал, – сказал мэр, надувая щеки больше обычного, – я думаю, в ближайшее время он реабилитирует себя в глазах болельщиков. Такая возможность у него будет.

Мэр ушел, из-за его спины вынырнул массивный немолодой субъект откровенно бандитской наружности, с очень близко посаженными, глазами навывкате, очевидно из свиты, и, не позволив репортеру представить себя, произнес с большим апломбом:

– Сегодняшняя игра еще раз показала, что система руководства у нас в футболе прогнила. Пока мы ее круто не переменим, наши болельщики раз за разом будут становиться свидетелями такого позорища. И начинать перемены мы будем именно со «Спартака». «Спартак» должен стать городским клубом.

– Простите, – вклинился репортер, – что значит «городским»?..

– А то! Мэрия приобретает контрольный пакет акций – 51 процент и передает в управление знающему человеку, который перед ней будет отчитываться. И такой человек есть!

Гордеев в сердцах выключил телевизор.

– Готов выслушать подробности? – вполголоса поинтересовался он, недоверчиво оглядевшись. – Нет, знаешь что, давай лучше выйдем в коридор, для верности.

– Давай. – Денис тоже взял со стола банку «хайнекена» и вышел следом.

– Ладно. Значит, ровно две недели назад, десятого марта, пропал без вести некто Ненашев Дмитрий Федорович, бизнесмен средней руки, ничем особо не примечательный, сейчас таких в Москве десятки тысяч. Занимался мотелями и бензоколонками, кроме того, интересовался футболом, вился вокруг «Спартака»: продажа клубной атрибутики, реклама и тому подобное, во все детали его бизнеса я вникнуть еще не успел. Его помощница, она же сожительница, подала заявление в милицию, а те, когда выяснилось, что Ненашев американский гражданин – эмигрировал в семьдесят девятом из Союза, – очевидно, решили, что он просто смотался обратно в Штаты, и спустили это дело на тормозах. Но у Ненашева нашлись родственники в Германии, тоже наши эмигранты, у которых остались в Москве связи. Тесть Ненашева, Чернявский, работал когда-то в прокуратуре и адвокатуре. В результате напрягли моего шефа, а он, соответственно, меня. Ненашев, как ты, наверное, понял, в Америке не объявился, а значит, искать его надо здесь, чем я, собственно, и занялся не далее как вчера. Собирался, кстати, привлечь твоих орлов. Пока все понятно?

– Угу.

– Мотель, в котором мы с тобой сейчас находимся, частично принадлежит нашему Ненашеву, а это – его офис. Народу в штате немного, сегодня здесь в наличии всего два человека: та самая любовница, по совместительству деловой партнер, зовут ее Корнилова Анжелика Иоси-

фовна, такая вся из себя бизнес-вумен, и секретарша Танечка Щукина – «три чашки кофе, бегом». Только мы начали с этой Танечкой знакомиться, как здесь начался вселенский переполох – убийство, видите ли. В общем, поскольку я все равно собирался воспользоваться твоими услугами, почему бы тебе не начать прямо сейчас?

– Ясно. Что говорят Танечка и Корнилова про Ненашева?

– Куда делся, не знают, что могло случиться, не ведают.

– А про Лесникова?

– Танечка уверяет, что не знает его, а как раз Корнилова мне и сообщила, что Лесников утверждает, будто Ненашев мертв. Вчера они встретились в лифте, там он это и выдал. И хотя он был изрядно пьян, Корнилова ему поверила.

– А официальное следствие? Оно-то о Лесникове в курсе?

– Не думаю. Я вчера был в Зюзинской прокуратуре, общался с Борисовым – это следователь, который ведет дело Ненашева. Он меня уверил: никаких зацепок у него нет, о существовании свидетеля вроде Лесникова и словом не обмолвился. А вообще, там все как всегда: у этого Борисова добрый десяток дел, и занимается он конечно в первую очередь убийствами, за которые его каждый день на ковер таскают, а до какого-то там пропавшего бизнесмена, что, может, завтра сам же и найдется, естественно, руки не доходят. И не дойдут. Тривиальные действия для розыска Ненашева милиция предприняла, результат – нулевой. Это не значит, что мы не должны проделать все то же самое, но Лесников – это хорошая ниточка в деле, и пока единственная.

– А Лесников что, давно знаком с Корниловой или он каждому встречному докладывал: умер, мол, Ненашев, царство ему небесное?..

– В этом я еще окончательно не разобрался, у Корниловой нервный срыв: секретаршу отправила за успокоительным, а меня попросила подождать пару минут в приемной, пока она придет в себя. Жду уже больше получаса. Пора, пожалуй, ее потревожить, заодно и ты на нее полюбишься.

– Очень интересно. – Денис залпом допил пиво. – И когда с ней случился нервный срыв? Когда сообщили об убийстве?

Гордеев усмехнулся:

– Несколько позже, представь себе. Сначала она помогла мне уладить вопрос с начальником службы безопасности – договорилась, чтобы тебе позволили тут поработать. Напрямую, как я понял, он ей не подчиняется, но вел себя более-менее почтительно. Вышел минут на пять, видимо, с кем-то созвонился, кстати, интересно бы узнать с кем, потом вернулся и сказал, что ты можешь приезжать, он окажет тебе всяческое содействие.

– Вот оно как... И после этого ей, значит, ни с того ни с сего стало плохо?

Гордеев снова усмехнулся и, не ответив, решительно пересек коридор, приблизился к неплотно прикрытой двери и столь же решительно в нее постучал:

– Анжелика Иосифовна?

– Входите, – ответил томно-капризный женский голос.

Корнилова – дама в возрасте слегка за сорок, хотя и основательно молодящаяся, отодвинувшись далеко от стола, полулежала в глубоком кресле с печатью тяжелой болезни на лице. Но эта «печать» не препятствовала ей слегка замедленными движениями совершенствовать и без того весьма изысканный макияж.

– Простите. Мы с вами так и не переговорили толком, – тяжело вздохнула она. – А это...

– Денис Грязнов, можно без отчества, – кивнул Денис и вопросительно посмотрел на Гордеева. – Я задам буквально пару вопросов и оставляю вас. Вы не возражаете, Анжелика Иосифовна? – Про себя Денис решил, что будет с Корниловой до безумия галантным, каких бы моральных усилий ему это ни стоило, с такими особами по другому нельзя, им, для того чтобы вызвать истерику, даже палец показывать не надо, у них истерика – это состояние души.

Корнилова, продолжая разыгрывать нестерпимую муку (Денис в этом ни на секунду не сомневался), в ответ лишь утомленно махнула рукой: дескать, делайте со мной, что хотите.

– Итак, Анжелика Иосифовна, вы были знакомы с убитым?

Корнилова отрицательно покачала головой:

– Возможно, я видела его раньше, но мы не были представлены.

– А Ненашев был с ним знаком?

– Наверное... У них могли быть какие-то деловые контакты, но поскольку я об этом не знаю, значит, касалось это только спорта, а к мотелям и бензоколонкам отношения не имело. Я никогда не вникала в спортивные проекты Дмитрия, по-моему, это слишком сложно и неинтересно.

– Понятно. Примерно с половины третьего и до появления Андреева вы находились в кабинете одна или беседовали с Юрием Петровичем?

– Нет. – Она всплеснула руками и искусно изобразила невыносимую головную боль. – Юрий Петрович все это время беседовал с Танечкой. А вы что же, меня подозреваете?!

– Ну что вы! – не менее искусно возмутился Денис. – Я совсем не это имел в виду! Номер, где произошло убийство, как раз под вами. Если вы сидели одна, в кабинете было тихо, может, вы что-нибудь слышали?

– Примерно в половине третьего?

– Да.

– Я разговаривала по телефону. – Корнилова обреченно вздохнула. – И ничего не слышала. Где-то в половине третьего, может, в тридцать пять минут, позвонил мой бывший муж, и мы проболтали до появления Андреева.

– Вы поддерживаете отношения с бывшим супругом?

– Хотите проверить мое алиби? – Она лукаво улыбнулась Денису, но, тут же спохватившись, напустила гримасу оскорбленной невинности. – Волгин Константин Эдуардович, полковник милиции, работает в министерстве внутренних дел... точнее, заместитель начальника контрольного отдела, кажется, записывайте телефон...

– Ну что ж, Анжелика Иосифовна, больше не буду вас донимать. – Денис церемонно поклонился и добавил, повернувшись к Гордееву: – Подождешь?

– А куда я денусь? – хмыкнул Гордеев.

Денис вернулся на пятый этаж бегом (лифт по-прежнему не работал), надеясь успеть к началу допроса свидетельниц – горничной и официантки. Но ни Уточкин, ни Майский к допросу, оказывается, еще не думали приступать. Уточкин терся за спинами экспертов с таким видом, будто ожидал услышать из их уст слово истины. Андреев околачивался тут же, только не в номере, а под дверью, загораживая собой почти весь проем. Денис вежливо попросил его посторониться, на что тот окрысился и, прошипев себе под нос какую-то гадость, отодвинулся в сторону на пару миллиметров.

Пожилой патологоанатом как раз перевернул убитого на спину.

– Три ранения: одно в область живота и два – в область сердца, – монотонно произнес он, избегая смотреть в сторону Уточкина, подавшегося вперед и широко открывшего рот от напряжения, хотя слова для следователя в первую очередь и предназначались. – Оба ранения в область сердца, вероятнее всего, смертельные. Первый выстрел в живот произведен с расстояния не менее трех метров, поскольку вокруг входного отверстия отсутствуют следы порохового ожога. А выстрелы в грудь, по крайней мере, один из них – наоборот, практически в упор, не более чем с одного метра. Необходимо немедленно проверить всех фигурантов на предмет наличия на одежде следов крови.

Повинуясь многозначительному взгляду следователя, Майский рысью устремился к двери, но Андреев остудил его пыл:

- Я давно всех проверил. Лично. Ни на ком никаких следов крови нет.
- Значит, нужно еще раз проверить! – рявкнул Уточкин.

В 15.47 в нарушение всех инструкций горничную и официантку Майский принялся допрашивать вместе в той же комнате, усевшись на тюки с грязным бельем. Просить Андреева предоставить отдельное помещение он не захотел, видимо, у них отношения тоже не сложились. Документы у Дениса он так и не потребовал, наверное, постеснялся, а может, следовательно уже объяснил ему, кто есть Денис и чем он здесь занят.

– Клиент из пятисот третьего заказал водку и закуску в номер, – запинаясь и поглядывая на коллегу, начала официантка. – Я постучала, а он не открывает и не отзывается, только слышно, как вода шумит. Я подумала, он в ванной, постучала громче, потом приоткрыла дверь, хотела крикнуть, что заказ доставлен и вижу: он лежит.

– Она так орала, что у меня на другом конце коридора уши заложило, – подтвердила горничная, – решила: он ее насилует. Швабру наперевес и бегом. А там – мертвяк.

– Выстрел вы не слышали?

– Нет, – покачала головой официантка.

– И я не слышала, – кивнула горничная. – У меня пылесос работал.

– А кто на этаже незадолго до того появлялся?

– Урод этот приходил, приставал со своими щеточками и валиками.

– Какой урод?! – Лицо Майского оживилось.

– Ну, не урод, дилер, короче. От какой-то канадской фирмы. На улице им народу мало, они еще по учреждениям, блин, шляются. Прошу прощения. Кто его вообще впустил, нужно разобраться! Стал мне свои цапочки втюхивать. Я его послала, куда положено, а он пристал как банный лист! Все нервы издергал.

– Когда это было?

– Минуты за две, а может, за пять. Он меня достал, ну взбесил прямо! Я закрылась здесь сигарету выкурить, успокоиться, потом только включила пылесос и сразу слышу – вопль.

– Одну сигарету?

– Одну, даже половинку. Нам запрещено тут курить, но когда такое дело...

– И больше никого на этаже не было?

– Никого. Дежурный по этажу есть только ночью, а днем горничные за дежурных, я, например, сегодня. Еще секьюрити иногда поднимается, Андреев. Где-то сразу после обеда проходил. 502, 508 и 505-й номер стоят пустые, жилыцы из 504, 506 и 507-го утром разошлись, в 501-м какой-то угрюмый чечен живет, на все замки запирается, даже убраться меня не впустил, я ему сегодня полотенца под дверью оставила. И на крик он, кстати, не вышел.

– А убитый не выходил сегодня?

– Да он только глаза продрал. Сменщица говорила, часов в пять утра лярвы две от него ушли, жалко, она их не разглядела; в десять заглянула – убирать, так он еще дрых. Грязищу развел в номере: окурки, бутылки всюду валяются, я только в полвторого у него прибиралась, он в одних трусах из угла в угол слонялся, ни стыда, ни совести у человека, хоть бы халат накинул. Два мешка мусора выгребла...

– Я кого-то видела, – перебила официантка. – Я когда из лифта тележку выкатила, кто-то на служебную лестницу выскочил.

– Мужчина или женщина?! Приметы, одежда?

– Мужчина вроде, в чем-то темном, я тогда и внимания не обратила, теперь только вспомнила.

– А лифт работал? Когда его выключили? – уточнил Денис.

– Его чинят где-то с часу дня. То включают, то выключают.

– Да, и я тоже вспомнила, но про другое, – перебила горничная. – В 503-м сейчас духами пахло, терпкие такие, наверняка жутко дорогие. Я вчера в лифте поднималась с большой начальницей – с Анжеликой Иосифовной, я на пятый, она на шестой, у нее точно такие же духи. Я почему запомнила: она вечно такая гордая, смотрит на всех как на пустое место. То есть, в общем-то, нам по лестнице бегать положено, но иногда за целый день так набегашься, что уже ноги не носят, разочек и на лифте поднимаешься.

– Так! – Майский решительно встал, но, посмотрев на Дениса, передумал и сел на место. – Будем составлять протокол.

– Один вопрос можно? – попросил Денис. – Вам, девушки, убитый ничего странного не рассказывал? Может, не сегодня...

– Да что он может рассказать, кроме пошлого анекдота да сальных комплиментов?! – чуть ли не в один голос возмутились горничная и официантка.

Гаффар Мусаевич. 23 марта

Во время ежегодного Женевского автосалона залы и павильоны «Palexpo» ежедневно заполняла многотысячная интернациональная толпа желающих поглазеть на новые концептуальные разработки автомобилестроителей, и вряд ли кого-нибудь могла удивить поэтому встреча русского туриста с турецким туристом, которые, сидя в баре, мирно обсуждали сравнительные достоинства представленных на выставке спортивных автомобилей.

Они повторили заказ: водка с апельсиновым соком и сухой мартини – и, досмаковав прелести дизайнерских изысков студентов школы Франко Сбарро, перешли наконец к делу.

– Я хочу сделать вам предложение. – Плотный коренастый турок лет шестидесяти с длинным крючковатым носом лениво поигрывал оливкой на шпажке.

– Я женат, и давно, – отшутился русский, закуривая.

– Предложение несколько иного характера. Вы как-то интересовались деликатными методами борьбы с конкурентами на нефтяном и бензиновом рынке. Так вот у меня есть замечательное средство. Товар ваших конкурентов благодаря этому средству теряет качество, а значит, и цену, они разоряются и так далее.

– Могу я поинтересоваться, где и кем создано ваше замечательное снадобье?

– Право продажи принадлежит мне, и этого достаточно. Уверяю вас, оно еще неизвестно широкой публике.

– Почему же вы начали с нас? – Беседа текла вяло, без эмоций. Турок привык продавать ноу-хау, русский привык их покупать.

– Вы мне наиболее симпатичны, да и потом хочется помочь бывшим соотечественникам. – Турок допил мартини и подумал, не заказать ли еще.

– Могу я посмотреть, как это работает?

– Естественно. А в скором времени я передам вам и всю техническую документацию.

– Я постараюсь не тянуть с ответом. – Русский поднялся. – Пойду-ка я, пожалуй, поближе, посмотрю на это швейцарское чудо с двумя двигателями. До свидания.

Турок все-таки решил обновить коктейль и, медленно потягивая из бокала, наблюдал, как стройная фигура русского мелькает в толпе любопытных у швейцарского стенда.

Денис Грязнов. 24 марта

Денис потихоньку вышел из каптерки. Итак, горничная и официантка ничего не знают. Если бы Лесников ляпнул им про то, что владелец этого заведения – труп, они бы об этом не забыли. Даже в стрессовом состоянии. Первым делом он сбегал за Гордеевым – собственный нос никаких тонких запахов не улавливал. Произнеся семиэтажное извинение, он вытащил Гордеева от Корниловой, шепнув ему предварительно, чтобы вдохнул глубже. На пороге 503-го не меньше минуты Гордеев сосредоточенно морщился и сопел.

– Ну, унюхал?! – не выдержал Денис.

– Да. Духи те же, что и у нашей Анжелики Иосифовны. Все, давай делай, что собирался, а я постараюсь расспросить у нее про духи поподробнее.

Андреева Денису долго искать не пришлось, он находился в гуще событий – на служебной лестнице между четвертым и пятым этажом. Там толпилось несколько человек. Двое молоденьких санитаров, наверняка из практикантов, с мокрыми от натуги лицами пытались пронести носилки с убитым мимо мусорной корзины, в которой обнаружили пистолет (лифт все еще не работал). Угол был огорожен полоской скотча, так что на площадке оставалось слишком мало места, чтобы развернуться с носилками. Внутри запретной зоны стоял эксперт и нещадно крыл санитаров матом, угрожая им немедленной и страшной карой, если они, не дай бог, порвут ленточку или заступят за черту. Андреев обосновался на полпролета выше и, перекрикивая эксперта, командовал:

– Стой! А теперь ты поднимай! А теперь ты заноси на перила! Держи! Сейчас уронишь, дебил!

– Давайте отойдем куда-нибудь, где менеелюдно, мне нужно задать вам несколько вопросов, – обратился Денис к Андрееву, посочувствовав про себя несчастным санитарам.

Андреев отмахнулся, ничего не ответив и даже не обернувшись.

– Меня интересуют любые сведения, имеющие отношение к исчезновению Ненашева, в первую очередь отношения между Ненашевым и убитым Лесниковым. Кстати, входы и выходы милиция уже осмотрела? Что-нибудь интересное нашли?

– Подождите. Не видите, я занят!

Денис посчитал про себя до трех, чтобы успокоиться, крепко взял его сзади за плечи и рывком развернул к себе.

Глаза у Андреева налились бешенством, правда ненадолго, через секунду он назидательно пробрызжал:

– Никто не мог ни войти, ни выйти. Пока вы себе думали, ехать или нет, я уже все проверил. Но если вы так настаиваете, давайте посмотрим еще раз.

– Не настаиваю.

– Нет уж, пойдемте.

Служебных входов было два. Один в кухне ресторана, пройти через него незамеченным убийце действительно было нелегко: в помещении неотлучно находились повар с помощником, к тому же дверь была заперта. Другой – за лифтом. И он тоже был закрыт на засов. Чтобы попасть отсюда на черную лестницу или в лифт, необходимо пройти мимо закутка, в котором постоянно крутятся официантки.

– Ну что? Убедились? – спросил Андреев.

Да, да! Убедился, подумал Денис. Но вопрос был задан слишком издевательским тоном, чтобы так просто взять и согласиться.

– Нет. Давайте поднимемся на чердак и на крышу.

Андреев презрительно скривился:

– Ну и кого вы подозреваете? Бетмена? Или Карлсона? – Он инстинктивно протянул руку к кнопке лифта, но, вспомнив, что тот не работает, отдернул, как будто кнопка была зачумленной, и помчался по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, желая то ли продемонстрировать отменную физическую форму, то ли поскорее отделаться от Дениса.

Остановился он только у входа на чердак. Дверь оказалась незапертой, но заходить туда смысла не было: на полу лежал многомесячный слой девственной пыли. Поднялись еще на полпролета. Дверь на крышу была распахнута настежь. По лестнице гулял ветер, а за порогом на запыленном рубероиде виднелись совершенно свежие следы. Начальник гостиничной секьюрити нервно шмыгнул носом, попятился, съезился и сократился в размерах как минимум вдвое. Даже голос у него стал тоньше.

– Что мне делать? Вызывать подмогу?

– Отойти в сторону и стоять тихо! – прошептал Денис, доставая пистолет. – Если услышите стрельбу, запирайте дверь на задвижку и вызывайте подкрепление. Дверь железная, он окажется в западне. Другой выход на крышу есть?

– Нет. Там машинное отделение лифтов...

– Из него можно попасть в шахту?

– Не помню. Вроде есть люк. Или нет...

Дальнейших планов, как локализовать убийцу, если он проникнет в шахту лифта, разрабатывать было некогда. Если он этого еще не сделал, просто не нужно предоставлять ему такую возможность. А если сделал – тогда видно будет.

Следы сворачивали за машинное отделение. Денис старался ступать как можно тише, но рубероид все равно хрустел и чавкал под ногами. Оставалось надеяться, что вой ветра заглушает шаги.

Он сидел на корточках спиной и копался в сумке.

– Руки за голову! – скомандовал Денис. – Медленно!

В невообразимом акробатическом пируэте Он развернулся к Денису лицом, бросил ему прямо в голову какую-то железку и едва не свалил подсечкой. Ловкий, однако, парень, удивился Денис, попутно успев еще и порадоваться, что железка, слава богу, едва зацепила ухо, не причинив особого вреда. А если бы в зубы? Не дожидаясь, пока Он поднимется, Денис прыгнул на него, занося в прыжке рукоятку пистолета и метя в висок. Удар получился скользящим и пришелся в основном в подбородок. Тем не менее на секунду Он вырубился. Денис навалился на него, заламывая ему руку за спину. И узнал. Это был электрик, полчаса назад охранявший мусорную корзину с орудием убийства.

Он пришел в себя, тоже узнал Дениса и принялся извиняться:

– Я решил, что это, ну, тот тип... Киллер, короче. Думаю, все, кранты мне пришли! А где плоскогубцы?.. Вниз полетели?

– Что вы делали на крыше? – на всякий случай спросил Денис.

– Так лифт же барахлит, ты ж сам видел, жмешь ему, а он издевается, непорядок это... – тараторил электрик, еще не оправившийся от испуга.

Денис позвал Андреева, подумав не без злорадства, что неплохо и ему подышать свежим воздухом.

– Электрик у вас штатный или его кто-то вызвал? – поинтересовался он вполголоса, пока тот, перегнувшись через край, старался высмотреть на земле упавший инструмент.

– Штатный, – ответил Андреев в своем прежнем тоне, – физиономию ему обязательно было разукрашивать? Он что, вооруженное сопротивление оказывал?

– Знаете что?! Вы мне до сих пор ничего не рассказали про Ненашева и его отношения с Лесниковым, – разозлился Денис, – я от вас исключительно этого добиваюсь, прыгать по крышам и бить морду вашим штатным электрикам – это работа милиции, а не моя!

– С Ненашевым я никак не пересекался, у меня есть непосредственное начальство – управляющий мотелем, ему я и подчиняюсь, а кто тут владелец, кто совладелец, меня не интересует. А с Лесниковым я вообще ни разу в жизни словом не перекинулся, может, они с Ненашевым лучшие друзья, но мне об этом ничего не известно.

В 16.09 неопределенного возраста портье одиноко торчал за стойкой и грыз ногти. Точнее ноготь большого пальца правой руки. Не прерви Денис его занятий, остался бы он без пальца. А по спине у портье бегали мурашки – прямо за стойкой было зеркало во всю стену, и в нем отчетливо было видно, как пиджак сзади шевелится. Еще у него бегали глаза, тряслись коленки и подрагивали уголки рта, что, вне всяких сомнений, выдавало в нем прохиндея и изрядного труса.

– Доложить о посторонних и посетителях? – не дожидаясь вопроса и, очевидно, принимая Дениса за следователя, затараторил портье срывающимся голосом. – Точно помню, их было только трое. Я всех постояльцев знаю в лицо. Нет, не подумайте, я не бахвалюсь. Я могу не помнить, в каком номере кто остановился, хотя и это я тоже помню, но наш идет человек или не наш, это я сразу могу сказать, только гляну. Понимаете, это как кондуктор в автобусе, у него, понимаете, тысяча человек за день едет, а он каждого помнит, которому билет...

– Для начала изложите все, что вам известно об исчезновении Дмитрия Ненашева, разговаривал ли убитый Лесников с кем-нибудь на эту тему, например, с вами?

– К сожалению, про Ненашева ничего сообщить не могу, кроме того, что у него офис на шестом этаже, а с Лесниковым я двумя-тремя словами перебросился, когда он ключ от номера брал, и все.

– Хорошо, с которого часа вы дежурили?

– Да-да, конечно. – Портье вдруг обиделся и сразу перестал дрожать. Зато начал потеть. – У вас свои методы, я знаю. Ложкин меня зовут, Михаил, дежурил я с восьми утра. Скажите, а моему начальству обязательно знать, кого вы тут... – он заискивающе посмотрел на Дениса, – задержали... и вообще? Оно, начальство, сейчас в отъезде, только, может, я вам все про этих посторонних расскажу? Понимаете, двое не наших они как бы... ну нормальные, а третий...

– Ненормальный?

– Нет, ну не в смысле псих. Он представитель, понимаете?

– Представитель чего?! – переспросил Денис официально-ледяным тоном, хотя прекрасно понял, о ком идет речь. Но с подобными типами иначе нельзя: нужно держать дистанцию и заставлять их договаривать любую гнусность до конца, иначе не заметишь, как из собеседника превратишься в соучастника.

– Известной канадской фирмы, – выдохнул портье. – Суперуниверсальные валики для чистки одежды и мини-пылесосы. Только если босс узнает, что я ему позволил на этажи подниматься, мне тут не работать, войдите в мое положение. Пожалуйста... Я же их обычно поганой метлой, или еще до меня швейцар. А тут, ну пожалел человека, ему ведь тоже зарабатывать надо. Один раз, понимаете?

«Мамочки родные, сестреночки, брат дорогой, извините, что мы к вам обращаемся, мы сами не местные, мама наша отмерла, папа лежит в аварии...» Очень похоже, хотя не нарушения же трудовой дисциплины, в самом деле, мне здесь надлежит расследовать, подумал Денис. Ну, впустил и впустил.

Не заметив на лице сыщика признаков справедливого гнева, портье решил, что тема исчерпана, до некоторой степени успокоился и поспешил перейти к прочим фактам:

– Второй из троих, ну посторонних, – адвокат, он у Ненашева, – тут портье запнулся на секунду, – то есть у Анжелики в офисе был, это он к вам подходил, когда вы только зашли, а третий – курьер из агентства «От всей души», кажется. Этот вообще попал. Ему в агентстве адрес неправильный дали или фамилию адресата, короче, он притащил ведро роз даме

от кавалера, а у нас такая дама не живет. Теперь сидит пиво пьет, пока там у него в конторе уточнят, куда ему эти розы точно тащить. Вянут же. А теперь, значит, наши жильцы, я вам тут для памяти записочку составил. – Ложкин протянул Денису список. – Вообще-то, народу у нас много живет – обслуживание на уровне, цены приемлемые и воздух опять же, не то что в центре, сплошные выхлопы и смог. Только сейчас такое время: все по делам, по офисам. Обычно после пяти начинают собираться, а потом в ночь опять исход. Я ключи проверил, которых нет, значит, постояльцы в номерах, вот только три человека получилось. Работы вам совсем даже немного. Хотя три – это если без убитого считать, с убитым, значит, выходит четыре.

Ложкин вдруг неестественно выпрямился и судорожно поправил галстук.

– Босс. – Он стрельнул глазами в сторону входа. – Федор Викторович.

К Денису журавлиной походкой стремительно приближался тощий субъект. Он комично размахивал руками и пошмыгивал носом. Но, очевидно, за несерьезной внешностью скрывался вполне зверский мужик, ибо представители гостиничной секьюрити дружно вдохнули и, подобно портье, вытянулись по стойке «смирно».

– Недопекин, – представился босс, почему-то избегая смотреть Денису в глаза. – А вы Грязнов, мне уже доложили. Вы понимаете, что никакая скандальная репутация нам не нужна. В любом случае персонал должен быть вне всяких подозрений, это ясно?

Денис открыл было рот, чтобы уточнить, что он имеет в виду, по какому делу они вне подозрений: по убийству Лесникова или по исчезновению Ненашева, но Недопекин такой возможности ему не дал:

– Люди у нас проверенные, работают не первый год, и вообще, только полный кретин стал бы стрелять на работе.

Последний аргумент, очевидно, должен был окончательно убедить Дениса в том, что весь народ здесь – кристально честные и добрейшей души люди.

– Я еще переговорю с этим вашим адвокатом. Если возникнут проблемы или вопросы – обращайтесь прямо ко мне.

Так и не удостоив Дениса взглядом, директор мотеля умчался в недра служебных помещений, а повеселевший от несостоявшейся (или, по крайней мере, отложенной) взбучки портье наконец расслабился.

– Зверюга! – кивнул он вслед Недопекину. – Если вдруг чего... Хотя платит прилично.

– В какое время и как надолго вы отлучались с поста? – вернул его на грешную землю Денис.

– В 12.20. Отошел минут на пять выпить кофе с бутербродом, перекурить. Но я вас уверяю, видел все, что было, и каждого, кто входил-выходил. Хотя никто не выходил. Появился один постоялец, только он к стойке, а я уже на месте. Подозрительный, кстати, тип, я бы его на вашем месте в первую очередь проверил. Два часа как поселился, а у нас уже труп. Я вам тут его подчеркнул. – Ложкин ткнул обгрызленным ногтем в фамилию Гаджи (№ 305).

– Иностранец?

– Хуже. Негр. В смысле афроамериканец. Или африканец. Я вот этого иностранца, Гаджи, сразу на заметку бы взял. Нет, ну представитель тоже, конечно, подозрительный и курьер, только если вы меня спросите, я вам скажу...

– Спасибо! Вы мне очень помогли, – прервал Денис окончательно утомившего его портье. Конечно, работа сыщика как раз и состоит в том, чтобы отделять зерна от плевел, слухи от домыслов, рыбу от тины и молоко от скотины, но в разумных же пределах.

Денис пробежал глазами список, составленный не в меру любезным Ложкиным. Узок круг постояльцев мотеля, оказавшихся в нем в момент совершения преступления: Гаджи Мухаммед – тот самый негр, которого особо советовал заподозрить портье, Гаджи, судя по регистрации, приехал из Волгограда и поселился в № 305; Егоров О. из Нижнего Новгорода

(№ 407); Мирзоев Ф. из Шатоя (№ 501). Фамилия Лесников С. С. (№ 503) заботливо обведена черной рамкой.

Денис спрятал список в карман. Постояльцев он решил оставить на потом: они, в конце концов, еще несколько суток никуда не денутся, с них обязательно потребуют подписку о невыезде. А коммивояжера с курьером нужно ковать, пока они горячи, хотя они меньше всего могут рассказать о Ненашеве. О его существовании, а тем более исчезновении они скорее всего и не подозревают.

На двери бара висела табличка «Санитарный час». Коммивояжер и курьер, видимо, уже обпившись пивом, прихлебывали кофе каждый за своим столиком в разных концах бара. За ними надзирал секьюрити.

Розы действительно утратили свежесть (что странно для явно голландских цветов), но все еще выглядели вполне прилично, и курьер, похоже, человек с обостренным чувством долга, заботливо кутал корешки цветов во влажный носовой платок. Из сострадания к флоре Денис решил начать с него. А может, потому, что терпеть не мог представителей канадских компаний.

Курьера звали Андрей Бережной. По паспорту двадцати восьми лет, хотя на вид ему трудно было дать больше двадцати одного—двадцати двух. Попадают такие орлы с нежной кожей и светлым пушком вместо мужественной щетины, которые вплоть до сорока выглядят мальчишками. О том, кто такой Дмитрий Ненашев, он, как и предполагалось, понятия не имел, зато чертовски утомился сидеть на одном месте и ждать неизвестно чего.

– Был заказ на цветы (белые розы, двадцать одна штука, с капельками росы и без обертки, связанные голубой тесемкой) для Чекалиной Веры Ильиничны, – взялся объяснять он. – Номера, в котором она поселилась, заказчик не назвал. Нужно было доставить цветы именно сегодня, по возможности ровно в 14.30. К букету требовалось приложить открытку с амурчиками и текстом: «С годовщиной. Илларион». – Курьер протянул Денису открытку. Действительно, с толстенькими нахальными амурчиками, тисненными золотом сердечками и пестрящей вензелями вышеуказанной надписью на обороте, выполненной цветным лазерным принтером. – Только в мотеле Чекалина Вера Ильинична не живет, не жила и даже номер на ее имя не забронирован. Я перезвонил в агентство, там все проверили: второго мотеля «Лесной» в Москве нет, дату я не спутал, фамилию тоже, а контактного телефона клиент не оставил. Я зашел в бар, срочных заказов пока не было, а что делать с цветами – мне так и не сказали. Посидел, выпил бокальчик «хайнекена», ждал, что сбросят сообщение на пейджер, что с розами делать, потом появилась охрана и скомандовала пить пиво до приезда милиции и окончательного выяснения. Выяснения чего, правда, не объяснили. Только минут пять назад я случайно услышал от бармена, что произошло убийство. Это правда?

– Правда...

Бережной удивленно поднял бровь:

– Заказное?

– Почему заказное?

– Ну, не знаю... – он замялся и совсем по-детски покраснел, – солидный мотель все-таки, бомжи за бутылку не дерутся, семейный скандал со сковородками тоже вряд ли... Мне просто интересно, я два курса на юридическом отучился, ушел в академку, теперь думаю восстанавливаться. Рад бы вам помочь, только я ничего не видел и теперь от вас вот узнал, что случилось.

– То есть на этажи вы не поднимались?

– Нет. Зачем?

– И полтора часа просидели на одном месте?

– Ну, во-первых, уже два, а во-вторых, я ходил звонить в агентство, выходил, извините, отлить. Еще пошел намочил платок, бармен даже трехлитровую банку пожалел для цветов, а их, может быть, еще кому-то вручать придется.

Роберт Ненашев. 24 марта

Господи, еще два часа лету! Кончится это когда-нибудь или нет?!

Роберт тщетно пытался расслабиться, но девушка в соседнем кресле с упоением молотила по клавишам ноутбука, и клавиши эти противно чавкали и клацали каждая на свой манер. Знал бы, что придется так мучиться, захватил бы беруши или хотя бы плеер. Он мельком взглянул на экран:

«...немецкие коллеги позитивно прореагировали на все Ваши предложения. Окончательное согласование состоится в ходе конгресса, они оставляют за собой право на доработку документов, но принципиальное согласие получено».

Неужели заканчивает?

Соседка доколотила дату и время.

Закончив работу, она кокетливо улыбнулась Роберту:

– Нервничаете? – Очевидно, его непрерывное ерзанье в кресле она приписала страху высоты, клаустрофобии или чему-то вроде того. – Я тоже не люблю летать. Кстати, меня зовут Наташа.

– Роберт.

– А по профессии?

– Студент.

– А я журналистка. И что вы изучаете?

– Криминалистику.

– Да?! Как интересно! – Ее глаза загорелись любопытством, она даже придвинулась поближе. – Расскажите что-нибудь ужасное, про маньяков, например. Вы уже проходили маньяков? Ну, пожалуйста.

– Не проходили. – Роберт отвернулся к окну, не желая поддерживать беседу. Кто его вообще за язык тянул? Сказал бы, что работает ассенизатором, и эта Наташа вообще сбежала бы в другой конец салона вместе со своим компьютером.

Сделав еще пару безуспешных попыток разговорить Роберта, она вновь застучала по клавишам.

Он изрядно устал. Вначале утомительный перелет через Атлантику. Потом три часа во Франкфурте – и снова в самолет. Во Франкфурте его должны были встретить мать или дед. Но ни матери, ни деда в аэропорту он так и не дождался. Выходит, можно было лететь прямо из Нью-Йорка в Москву...

В Москву, черт возьми, на историческую родину. На родину, с которой его, родившегося и выросшего в Нью-Йорке, абсолютно ничего не связывало. Конечно, язык он знал, дома и бабушка и отец разговаривали только по-русски. Но в России никогда не был и, честно говоря, желания особого побывать там не испытывал. Однако, как регулярно повторяет бабушка, человек предполагает, а Господь располагает.

Что могло случиться с отцом? Роберт не совсем понимал, как может бесследно исчезнуть взрослый человек, не беспомощный калека и не идиот. И почему московская милиция до сих пор не нашла никаких следов. Бабушка была уверена, что он уже наверняка мертв, и желала только одного: присутствовать на похоронах. А Роберт все еще надеялся, что у отца очередная головоломная любовная интрига, которые и до того случались с завидной регулярностью, и он просто сбежал от одной пассии к другой, умело обрубив концы. Только почему не предупредил бабушку?

Щелканье клавиш, которое Роберт уже воспринимал как некий звуковой фон, прекратилось. Наташа, о чем-то раздумывая, пощипывала себя за мочку уха и улыбалась собственным мыслям. Роберт покосился на ее ноутбук и опешил:

«...Он вошел в клуб „Романтическая ночь“ и, окинув отрешенным взглядом зал, утопающий в клубах сизого табачного дыма, выбрал столик у окна. У него было красивое слегка вытянутое лицо, обрамленное небольшой светлой бородкой, тонкий нос и серо-голубые умные глаза. Дорогой костюм, говоривший об утонченном вкусе, галстук с изысканным рисунком (множество крохотных золотистых леопардов на черном фоне), строгий темно-серый плащ. Он был явно чем-то подавлен, то и дело ворошил ежик светлых волос на голове и покусывал губы.

Столик был не слишком тщательно вытерт. Скатерть отсутствовала. Он поднял свою красивую тонкую руку с едва заметным шрамом на тыльной стороне ладони. Из-под полы пиджака показалась рукоятка огромного черного пистолета, покоящегося в наплечной кобуре. Он помахивал девушку, стоявшую у стойки бара. Она подошла, грациозно покачивая бедрами, и присела ему на колени:

– Салют, я Жозефина.

– А я Роберто.

– У тебя такие грустные глаза. Ты болен? Откройся мне, и я излечу твое сердце.

– Я потерял ее... Навсегда!

– Ах...»

Роберт не верил своим глазам. Он машинально взглянул на свой галстук, затем на правую руку. Если в достоверности описания «умных грустных» глаз еще можно было сомневаться, то насчет всего остального сомнений не было – и леопарды, и шрам, и борода были его. Он почувствовал себя обнаженным натурщиком:

– Благодарю покорно, что вы меня увековечили. Позвольте поинтересоваться, вы уверены в нетленности данного шедевра?

Она бросила на него лукаво-невинный взгляд:

– Некрасиво подсматривать.

Роберт разозлился:

– Ну так и не подсматривайте.

– Просто у вас необычная внешность и вообще хороший типаж для героя-любовника. Бросьте. Все в мире преходяще, и только искусство вечно.

– Искусство?! – Роберт с чувством процитировал: – «У тебя глаза такие грустные? Я излечу твое сердце... Ах!!!» Ваши мыльные истории просто бесподобны, не забудьте добавить еще про трепещущую плоть и жаркие лобзанья.

Девушка вдруг смутилась и покраснела:

– Извините, я совсем не хотела вас обидеть.

«Угораздило же сесть рядом с доморощенной графоманкой!»

Наташа попыталась как-то разрядить возникшую напряженность, но Роберт ее откровенно игнорировал и до самого приземления они просидели молча, глядя в разные стороны.

У выхода она еще раз смущенно улыбнулась:

– Не злитесь, пожалуйста. До свидания.

– До свидания.

Девушка, кажется, искренне раскаивалась, и Роберт мысленно выбросил в клозет свои обиды, а заодно и наброски памятника себе – мученику. Мысленно нажал педаль.

Но на душе все-таки было скверно. И не столько от общения с графоманкой, сколько от смутного предчувствия, что, пока он добирался из Нью-Йорка, уже что-то выяснилось. И это что-то его не обрадует.

ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

«№... от 12.07.1999 г.

13-й особый отдел УФСБ
по Москве и Московской области

Приказ

Окружной суд г. Хьюстон, штат Техас, США принял к рассмотрению гражданский иск семьи американского предпринимателя Питера Дейтона, убитого в Москве 11.04.1999 г., к мэру столицы В. М. Пирожкову по обвинению в организации преступления и незаконном завладении собственностью Дейтона в виде его доли в закрытом акционерном обществе «Мосдорстрой» (оценочная стоимость по итогам 1998 финансового года 23,5 миллиона долларов США).

Убийство Дейтона по всем признакам носило заказной характер. Дело ведет прокуратура Москвы. Следствием отработано более пятнадцати версий в том числе: месть со стороны криминальных структур за отказ от сотрудничества, борьба среди соучредителей за контроль над нелегальными финансами, убийство на бытовой почве, из ревности и пр. Несмотря на целый ряд оперативно-розыскных мероприятий, проведенных своевременно и в надлежащем объеме, раскрыть преступление по горячим следам не удалось. Данными, позволяющими назвать виновных в организации и совершении убийства, на сегодняшний день следствие не располагает. По оценке курирующего расследование заместителя прокурора г. Москвы Е. Седлицкого, перспективы успешного завершения дела минимальны.

После первого дня судебного разбирательства в окружном суде г. Хьюстон по делу «Дейтоны против Пирожкова» слушания были отложены до вручения повестки ответчику. На эту процедуру согласно американскому законодательству отводится до двух месяцев, после чего слушания могут быть возобновлены без участия ответчика в случае его неявки. По мнению компетентных юристов, судебные власти США не смогут добиться ни осуждения Пирожкова, ни даже участия его представителей в процессе без политической поддержки российского руководства. Судебное разбирательство, вероятнее всего, продлится от полугода до полутора лет и завершится ничем.

Аналогичную точку зрения высказал в интервью и двоюродный брат Питера Дейтона, ректор нью-йоркского криминалистического колледжа Уильям Дейтон. Он заявил, что не верит в возможность добиться справедливости законным путем. В кругу семьи Уильям Дейтон в театральной форме произнес торжественную клятву отомстить за смерть брата и убить Виктора Пирожкова, чего бы ему это ни стоило. Следует принять во внимание, что Уильям Дейтон – человек, во-первых, пользующийся достаточно широким влиянием, во-вторых, с чрезвычайно высокой склонностью к авантюризму. Так, в 1987 г., занимая высокий пост в ФБР, в управлении по борьбе с наркотиками, он организовал несанкционированную операцию по физическому устранению нескольких крупных наркоторговцев, за что был уволен и отдан под суд. Однако благодаря связям Дейтона судебное преследование против него было прекращено, а сам он назначен на должность ректора криминалистического колледжа, которую занимает по сей день.

В связи с вышеизложенным приказываю:

1. Принять к разработке дело № 18/686 и с настоящего момента с целью предупреждения покушения на жизнь мэра г. Москвы В. М. Пирожкова осуществлять тщательное наблюдение за прибывающими в столицу лицами, так или иначе связанными с Уильямом Дейтоном.

2. Для проведения оперативных мероприятий по делу создать постоянную группу в составе...

3. Старшим группы назначить подполковника Русакова В. Ф.
*Начальник 13-го особого отдела УФСБ по Москве и Московской области
полковник Кременной»*

Денис Грязнов. 24 марта

Алексей Феоктистов, двадцати пяти лет, житель Москвы – современный коробейник, а точнее, коммивояжер от чудесной канадской фирмы, в неизменном вылизанном костюмчике, при галстукке и заученной улыбке, с огромным баулом, в котором можно протащить не только пистолет, но и пулемет, а то и пушку, пиво, оказывается, не уважал. Он пил «Спрайт», но это было отнюдь не худшим его качеством. Он был феноменально, или, если угодно, гипертрофированно коммуникабельным. Дениса он полюбил сразу и, видимо, на всю жизнь, как и всех своих уже состоявшихся и будущих клиентов. Про Ненашева и он ничего не знал.

– Я буквально краем уха услышал, что было убийство, скажите, кого убили? Я ведь тут работал, разговаривал с людьми...

– Всех свидетелей уже вперед меня допросил? – За спиной у Дениса возник Майский.

– Чуть-чуть оставил, – усмехнулся Денис, придвигая к столику еще один стул для опера.

– Изложите, только покороче, с кем, когда, где вы разговаривали. Начиная, скажем, с 13.30. Могу я взглянуть на ваш товар? – Майский достаточно бесцеремонно потянулся к баулу.

А дилер чуть не лопнул от удовольствия:

– Конечно. Товар просто замечательный! – Он помог оперу поднять баул на стол и стал выкладывать пакеты и коробочки. – Наши мини-пылесосы чрезвычайно универсальны, могут работать как в стационарных, так и в полевых условиях. Очень удобны в дороге. Они компактны и при этом мощны, могут отчищать любые виды грязи и даже производить влажную уборку. Дизайн на уровне мировых стандартов. Наша цена порадует даже самых экономных хозяек...

В дверях бара возник пенсионного возраста милицейский капитан с угрюмым, типично оперским выражением лица.

– Началось! – буркнул Майский. – Начальство пожаловало, только его здесь не хватало. Но капитан передумал заходить внутрь и свернул к лифту.

– Что-то случилось? – поинтересовался дилер, не упустивший изменений на лице опера.

– Пока нет.

– Ну вот, примерно в час я заехал на склад нашей фирмы на Селькоровскую, – продолжал Феоктистов, не прекращая извлекать на свет все новые и новые коробочки, – взял новую партию товара для продажи. Со склада я поехал сюда, в мотель «Лесной».

– Почему именно сюда?

– Видите ли, у каждого дилера есть свой район, в котором он может работать. Такая договоренность.

– Конвенция детей лейтенанта Шмидта?

– Пакт Молотова—Риббентропа.

– В котором часу вы приехали в гостиницу?

– Около двух. Я подошел к портье и показал ему наши щетки для одежды. Знаете, такие, убирают катышки с брюк или там со свитеров. Вот, кстати, у вашего товарища на брюках, видите. Вот здесь...

– Давайте без рук, – отпрянул Денис, – хорошо?

– Нет, я просто к тому, что стоит воспользоваться нашей щеткой. Портье оказался умным человеком и, как патриот, заинтересованный в развитии российского предпринимательства, позволил мне пройти в мотель. Я зашел в бар, потом на кухню – пытался предложить пылесосы, ведь в пищеблоке всегда должна быть стерильная чистота, вы согласны? Вот видите, у вас правильный подход. А у них... Даже странно, такое ответственное место. К тому же если здесь они не хозяева, то купили бы для дома, для семьи.

– Куда вы отправились после кухни? – прервал его Майский. Уши у него, похоже, вяли со скоростью гораздо большей, чем розы курьера, грозя вот-вот отвалиться напрочь, так что никакими примочками им уже потом не помочь.

– Поднимался по лестнице, – сказал Феоктистов, – по служебной, чтобы не мозолить глаза службе охраны, был такой уговор с портье, у нас с ним неофициальное соглашение. Говорил на каждом этаже с горничными и с коридорными, показывал образцы.

– В номера заходили?

– Нет, конечно. Я же понимаю: могут быть неприятности. Жильцов не трогал, на шестой этаж не поднимался – там администрация, разговаривал только с обслуживающим персоналом.

– Сколько времени у вас занял поход по всем этажам? Желательно с точностью до минуты.

– Ну, с такой точностью я сказать не могу: когда набежала служба охраны и приказала оставаться на местах, было без пяти три.

– Вы были в баре в этот момент?

– Да, уже несколько минут: собирал сумку, а то в ней все уже смешалось – я ведь доставал товар, перекладывал. Вот. А перед тем горничная с пятого этажа меня так невежливо попросила уйти, в этот момент я как раз взглянул на часы – было без пятнадцати три.

– Вы были в коридоре один?

– Да, если не считать горничную.

– Ничего подозрительного не заметили, никого на лестнице не встретили? Или вы спускались в лифте?

– Так это на пятом этаже кого-то застрелили? – подпрыгнул Феоктистов.

– Почему застрелили?

– Ну не зарезали же. Или зарезали?

Опер промолчал. Коммивояжер перевел вопрошающий взгляд на Дениса, но Денис его демонстративно проигнорировал – не расписывать же, в самом деле, все подробности!

– Тайна следствия? – понимающе подмигнул дилер и с посуровевшим лицом добавил: – Никого не видел, ничего не слышал, спускался по лестнице.

– Значит, просто спускались по лестнице? – уточнил Майский.

– Просто спускался. А, нет, выбросил в урну газету, заворачивал пару бананов, когда шел на работу, бананы съел, если не ошибаюсь, при переходе с первого на второй и с третьего на четвертый. А газету выбросил между четвертым и пятым. Вы меня, случайно, не в убийцы записали? Это – ха-ха, какой же убийца с собой баул потащит, убийца должен быть незаметным...

– В урну не заглядывали?

– А что в нее заглядывать? Просто корзина без крышки, и так все видно. Лежали там, наверное, пара окурков, и все.

– И когда спустились в бар, сразу принялись укладывать сумку?

– Нет, сперва заглянул, пардон, в клозет.

Оперативно-следственная группа уехала. Уточкин на прощание поручил Майскому допросить всех без исключения. Но после отъезда следователя власть немедленно узурпировал начальник отделения УГРО Южно-Бутовского ОВД капитан Кривошеев Егор Трофимович – тот самый угрюмый тип, появление которого так расстроило Майского. Вместо того чтобы продолжить работу, оперу пришлось выслушивать длинейшую нотацию. А Денис поспешил удалиться, не будучи уверен, что договоренность, заключенная с Уточкиным, распространяется и на Кривошеева.

Бизнесмена из Нижнего Новгорода Денису пришлось будить с помощью холодного душа, фанфар и мини-землетрясения. Когда ни вода, ни медные трубы не привели его в чувство,

он просто дернул его с кровати вместе с покрывалом, на котором тот храпел прямо в плаще, шляпе и ботинках.

Если вся гамма чувств, отразившаяся на его лице, была сыграна, то, ей-богу, господин Егоров – величайший актер всех времен и народов, усмехнулся про себя Денис. Можно смело спорить на последнюю рубашку, что в это поверили бы и библейский Фома, и старик Станиславский. Грохнувшись на пол, но еще не проснувшись, Егоров обиделся, потом широко распахнул ясные глаза новорожденного, как будто впервые встречая мир. Не удивлюсь, если он, как младенец, видит все вверх ногами, подумал Денис, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Потом появился восторг узнавания. Расплывчатая фигура Дениса, очевидно, наконец сложилась у Егорова в сознании в образ человека. А дальше – в образ человека-собутельника. Егоров выполнил невнятный жест и призывно замычал, указывая носом в сторону полупустой бутылки «Финляндии» на столике у кровати. Кстати, о том, что г-н Егоров бизнесмен, Денис узнал, взглянув на пачку рассыпанных по столу шикарных визиток, на которых прямо так и было написано «Егоров О. О., бизнесмен».

Могучий глоток без всяких там интеллигентских штучек типа стакана, льда, огурца и прочего баловства вернул бизнесмену зрение, слух и в основном координацию движений, а второй – чудесным образом поставил его на ноги.

– Я тебе че-то должен? – Расшвыряв ботинки в стороны, он уверенно проследовал в ванную, откуда вернулся уже без плаща и шляпы. – За что и сколько?

– Вы были знакомы с Дмитрием Ненашевым?

– Это кто?

– А с Сергеем Лесниковым?

– погоди, че ты от меня хочешь?

– Ничего особенного. Что вы делали сегодня с 14.30 до 15.30?

Егоров болезненно поморщился:

– Сегодня – это когда? Число какое?

– Двадцать четвертое.

Он еще поморщился:

– Спал. Ты же сам меня разбудил... Или не ты?

– А когда вы легли?

– Честно сказать, не помню. Кстати, ты не знаешь, кто меня принес?

– Так вы были знакомы с жильцом из 503-го Лесниковым?

– Не помню. А он что говорит?

– Уже ничего.

– Значит, не был. И вообще, я муху в жизни не обидел, а когда пьяный – я сплю.

В 18.02 Мухаммед Гаджи, марокканец по рождению, а нынче гражданин России, встретил Дениса широчайшей улыбкой и настойчиво угощал черным баварским пивом. Пока Денис из вежливости прихлебывал (пиво было до изнеможения терпким и здорово щипало язык), Гаджи по собственной инициативе рассказал, что занимается продажей спортивного инвентаря, что останавливается в «Лесном» не в первый раз, что был знаком с Ненашевым, правда шапочно, что уже слышал историю про его исчезновение, и под конец заявил:

– Вы же не думаете, что негр может работать киллером в России? Это научная фантастика!

– Я разве сказал, что подозреваю вас? – Денис изобразил на лице приязнь и расположение к допрашиваемому, надеясь таким нехитрым способом усыпить его бдительность. – Меня только интересует, что вы делали сегодня с 14.30, с кем встречались и тому подобное. Вы, сами о том не догадываясь, вполне можете оказаться ценным свидетелем. Откуда вы, кстати, узнали подробности про убийство, про то, что оно, вероятнее всего, заказное?

– Я приехал около часа, только распаковал вещи, собирался принять душ и еще сегодня встретиться с партнерами. Из душа меня вытащили местные спецназовцы и сказали: никуда до разговора с милицией не ходить. А потом один из них меня узнал и объяснил, что убит жилец из 503-го.

– То есть из номера вы не выходили?

– Нет, не успел.

– Ничего не видели, ничего не слышали, ничего необычного не заметили?

– Необычного? – Он задумался, но ненадолго. – Заметил. Я два часа назад заказал кофе и бутерброды, а их до сих пор не принесли. Обычно хотя бы в течение часа приносят.

– Больше ничего?

– Ничего.

– А с убитым вы раньше никогда не встречались? Некто Лесников Сергей Сергеевич.

Тут Гаджи думал дольше и напряженной, к сожалению, изменений цвета лица уловить было невозможно.

– Нет, не знаком, не встречал.

На лестничной площадке между четвертым и пятым этажом Дениса поджидала яркая девица: платиновые до голубизны волосы, алые губки, блестящие глазки, ножки от зубов и платья супермини, уж слишком обтягивающее хрупкие формы. Она отрепетированно-застенчиво улыбнулась, «смущенно» одернув свой наряд:

– Вы Грязнов? Меня попросил господин Гордеев подождать вас тут, он думал, вы хотите задать мне какие-то вопросы, я – Татьяна, секретарь Анжелики Иосифовны.

– Конечно хочу, – ответил Денис.

Ай да Гордеев, ай да сукин сын.

– Вам, наверное, каждый день приходится сталкиваться с недостойными человеческими качествами? – неумело закуривая и кокетливо поправляя непослушный локон, сочувственно спросила она, присаживаясь на подоконник.

Сущность Танечки Щукиной была написана у нее на лице крупными буквами. Первое, на что она взглянула при появлении Дениса, была его правая рука. Убедившись, что обручальное кольцо или более светлая полоска от свежеснятого кольца на безымянном пальце отсутствуют, девушка сочла его достойным общения.

– А я вот никогда до сих пор не сталкивалась.

Денис понял, что от выслушивания ее жизненной позиции ему не отвертеться, потому постарался получить от этого максимум удовольствия: тоже закурил и уселся на подоконник. Одной сигаретой дело не ограничилось, но минут за пятнадцать Танечка успела выразить, как она взволнована вопиющим фактом зверского убийства.

– Лесникова вы знали? – справился Денис, когда фонтан переживаний иссяк.

– Нет. Я этого несчастного не знала.

– На пятом этаже сегодня не появлялись, никого подозрительного не встречали, выстрелов не слышали?

– Нет, нет и нет. Скажите, а если... ну тут, наверное, будут журналисты и все такое. В общем, это не повредит следствию, если меня сфотографируют и что-то... совсем немножко напишут? Конечно, в подозреваемые я не гожусь, я такая нервная и впечатлительная, но я же почти свидетельница, меня же допрашивали. Я, в общем, собираюсь на актерский, у меня внешность киногоеничная... Если нельзя ничего говорить, я могу и молчать или сказать – как это, а! – «без комментариев», или вы мне напишите, что говорить.

– А дилер с баулом к вам в приемную не заходил?

– Нет. А что насчет газет, можно?

Фотографироваться Денис ей милостиво позволил, а вот говорить настрого запретил. Не хватало еще, чтобы она ляпнула, что видела убийцу и пережила по этому поводу душевную драму. И будет еще один труп.

Когда Денис наконец добрался до пятого этажа, то увидел, что дверь в 501-м сорвана с петель. Судя по всему, последний неопрошенный из числа жильцов – «угрюмый чечен» оказал сопротивление милиции и теперь парился на нарах, поэтому поговорить с ним сегодня уже не удастся. Денис закончил обход и поднялся на шестой этаж в поисках Гордеева.

Нашел он его в приемной подписывающим протокол: Кривошеев только что закончил его допрашивать. Было заметно, что друг другу они крайне не понравились: Гордеев сидел весь взмокший, а у капитана на висках вздулись пунцовые вены и желваки нервно подрагивали.

– Грязнов, значит, – протянул он, с явным неудовольствием рассматривая Дениса с ног до головы. – Частный детектив. Ха! Где ж ты выискался такой прыткий?! Всех свидетелей и подозреваемых мне перепортил! Сам себе присвоил право первой ночи, да? Если еще куда-нибудь сунешься – прикажу арестовать, понял?! Плевать я хотел!..

– Мы, собственно, уже уходим, – спокойно сказал Денис.

– Уходим, – подтвердил Гордеев.

Капитан выругался как бы про себя, но так, чтобы Денис и Гордеев его слышали.

– Сунетесь к жильцам – арестую обоих! – еще раз пообещал он на прощание.

Гордеев, стремясь предотвратить скандал, поскорее увлек Дениса из приемной, хотя Денис и так не испытывал ни малейшего желания становиться в позу или качать права.

– Чеченца уже увезли, – сообщил Гордеев, когда они спустились в вестибюль. – На Петровку или еще куда – не знаю, кажется, голову ему чуть не проломили – сопротивлялся. Нужно будет завтра первым делом это выяснить и добиться разрешения на встречу с ним.

– А что с чеченцем?

– Кто здесь у нас оперативной работой занимается, ты или я? – усмехнулся Гордеев. – Чеченец настолько обнаглел, что прямо в номере чистил и смазывал пистолет. Я, конечно, не думаю, что он причастен к убийству Лесникова: только полный кретин стал бы себе устраивать алиби при помощи второго пистолета. Тем не менее не помешало бы выяснить, чем он здесь занимался, вполне возможно, к исчезновению Ненашева он как раз имеет самое непосредственное отношение. Теперь что касается духов: называются они «Линор Леру», Анжела мне минут пять расписывала, какие они эксклюзивные и как она их покупала в Лондоне. Но, по-моему, она просто не поняла, в чем дело, и слегка присочинила, в общем, выводы делай сам.

Уже подойдя к дверям, Денис заметил, что портье за стойкой новый, и решил задержаться. С портье Денису повезло: утром двадцать первого, когда вселялся Лесников, дежурил именно он. По его словам, Лесников прибыл один на собственном белом «линкольне», поставил его на прикол на стоянку и с тех пор им не пользовался. В следующее дежурство, двадцать третьего вечером, вчера, Лесников вместе с шикарной особой, дожидавшейся его в холле, укатил куда-то в заказанном лимузине. Вернулся между четырьмя и пятью часами утра изрядно подшофе уже с двумя шикарными особами, которые отбуксировали его в номер. Дамы у Лесникова не задержались, по их поводу портье заметил, что они, безусловно, шлюхи, но весьма дорогие. Номер лимузина он, конечно же, не запомнил.

Бывшего мужа Корниловой Денис решил оставить Гордееву. У охранника на стоянке он удостоверился, что «линкольн» Лесникова действительно прозябает здесь с утра двадцать первого.

Следом за Денисом к охраннику подошел Майский и задал тот же самый вопрос. Вид у Майского был уже отнюдь не цветущий.

– Капитан пистон вставил? Из-за меня? – Денис угостил опера сигаретой.

– Кривошеев? Да ну его! – Майский от души выматерился, после чего ему заметно полегчало. – Но мы ему задницу надерем?

– Надерем, – кивнул Денис, довольный тем, что Майский не только на него не обиделся, но и сам пошел на сближение.

– Тоже мне пинкертон хренов! Осел старый! – Оперу явно хотелось излить кому-нибудь наболевшее. – Я в ментовку пошел не для того, чтобы бабки с народа стричь, понимаешь?! Нормальная же работа! Чувствуешь себя человеком, а не шавкой. А из-за таких козлов!.. Вот тебе вообще классно: ни над тобой начальства, ни бумажек никаких писать не надо. Я, наверное, тоже через два-три года уйду в частники. – Майский взял Дениса за рукав. – Но это дело мы должны дожать. Кровь из носу. Договорились? Ты же в первую очередь должен быть заинтересован в сотрудничестве, правильно я говорю? Ты же тут не квалификацию повышаешь, нет? – Он жадно затащился, высосав сразу полсигареты. – С меня заключения экспертов, могу устроить встречу с чеченцем, или, если хочешь, будешь присутствовать во время допроса, ну, короче, все, что нужно. Но ты должен мне помочь.

Денис никаких обещаний давать не хотел: не известно, откуда подует ветер и кто станет давить на самого Майского или на его начальство. Поэтому произнес обнадеживающее и в то же время ни к чему не обязывающее:

– Ладно, сработаемся.

– А я в тебе и не сомневался, – расплылся в улыбке опер, – кстати, меня Валерой зовут.

– Денис, приятно было познакомиться.

– Да, – Майский комично погрозил Денису пальцем, – ты мне потом должен рассказать, на кого работаешь, хорошо? Но это потом, сейчас у меня голова совершенно квадратная.

Для укрепления дружеских связей с органами Денис подбросил Майского домой и поехал к себе в «Глорию» – в спокойной обстановке все систематизировать. Нарисовал схему, но она получилась пространной и бестолковой, потому что только такой и может быть бумажка, состряпанная впопыхах ночью после совершенно сумасшедшего дня.

– Ну и что мы имеем по сути? – пробурчал Денис, недовольно разглядывая собственное произведение. – Практически ничего существенного, кроме разве что целого сборника правил, которые, по мнению общественности, ни за какие коврижки не нарушит настоящий киллер. Итак, значит, никакой уважающий себя убийца не должен убивать там, где работает, не пойдет на дело с похмелья, не может быть негром, немолодой женщиной с больной головой, не станет создавать себе алиби посредством другого оружия или другого преступления, не станет брать с собой на дело баул с пылесосами или охапку роз. Но в таком случае никто из доселе фигурировавших в деле, убийцей не является. А это вряд ли. Есть еще два не вполне понятных факта, которые можно истолковывать по-разному. Во-первых, газета в мусорной корзине: стал бы Феоктистов, если киллер он, выбрасывать пистолет вместе с газетой, которая явным образом на него указывает? Или это у него способ маскировки такой: быть максимально на виду, чтобы вызывать минимум подозрений? И, во-вторых, духи Корниловой: зачем она сама рыла себе яму – расписывала Гордееву их уникальность? Просто по глупости? И, судя по всему, ни с кем, кроме Корниловой и убийцы, своими сведениями о Ненашеве Лесников поделиться не успел.

Роберт Ненашев. 24 марта

В гостиницу Роберт не поехал – у отца в Москве была квартира. Правда, к квартире прилагалась последняя отцовская «любовь» – Анжела, но, может, это и к лучшему, не придется начинать поиски с посещения милиции – Анжела наверняка знает все подробности отцовского исчезновения.

Но дверь ему открыл незнакомый мужчина, поджарый и седовласый, благообразное лицо которого так и лучилось безграничной скорбью и сочувствием.

– Роберт? – Незнакомец полез обниматься, долго хлопал Роберта по спине и сопел ему в плечо. Потом отступил на шаг и, чуть склонив голову набок, оценивающе оглядел гостя с ног до головы. – Вылитый отец! Просто копия, только помоложе, конечно. Позволь представиться, Волгин Константин Эдуардович, старый добрый друг твоего отца. Он тебе про меня рассказывал?

Роберт неопределенно пожал плечами.

– Не стой на пороге, проходи, будь как дома. – Волгин помог Роберту снять плащ. – Кстати, ничего, что я так сразу на «ты»? Не знаю, как там у вас в Америке принято...

– Все нормально. Об отце есть что-то новое?

– Увы. – Волгин тяжело вздохнул. – Никаких зацепок. Зайди, поздоровайся с Анжелой.

Роберт вошел в указанную Волгиным дверь и оказался в спальне.

На постели с сигаретой в руке полулежала, опершись на подушки, холеная, обильная красотой женщина. Она оказалась несколько толще и несколько старше, чем Роберт себе ее представлял, но в целом вполне в отцовском вкусе – длинноногая жгучая брюнетка.

– Здравствуй, Бобби. Как долетел? – Анжела вымученно улыбнулась.

– Нормально. Только не надо называть меня Бобби.

– Не буду, Бобби. – Вдруг она порывисто вскочила и бросилась Роберту на грудь: – Чует мое сердце: осиротели мы!

Сигарета тлела прямо на покрывале.

Вошел Волгин и, оценив всю серьезность угрозы, аккуратно загасил окурочек в пепельнице, и страхнул с покрывала остатки пепла.

– Пойдем, сынок, на кухне поговорим. Тебе перекусить надо с дороги.

Анжела, внезапно потеряв к Роберту всякий интерес, плюхнулась обратно на кровать и закурила снова.

Волгин, видимо, прекрасно осведомленный о порядках в этом доме, извлек из холодильника бутылку «Посольской», ветчину, сыр и малосольные огурцы.

– Давай по старой русской традиции за знакомство и чтобы все хорошо закончилось.

Роберт выпил молча. Есть совсем не хотелось.

– Я хотел бы узнать подробности – как все было?

– О, брат, было все прямо как в детективе. – Волгин налил еще по одной. – Ехал наш Дмитрий Федорович в своей машине среди белого дня по самому центру Москвы в обществе своего шофера Марика и телохранителя Автандила. Куда ехал – до сих пор не известно, но ехал. Даже разговаривал по сотовому с Анжеликой. И вдруг где-то в районе трех вокзалов как будто заехал в самую настоящую пространственно-временную трещину, как у фантастов. Короче, бесследно исчез. Растворился вместе с машиной, шофером, телохранителем и сотовым телефоном. Вот, собственно, и все, больше о нем никому ничего не известно.

– А милиция? Может, они уже что-то нашли?

– Ничего они не нашли, – махнул рукой Волгин. – Я, между прочим, полковник этой самой милиции. Правда, я по другому ведомству, но руку держу на пульсе и на какие нужно

рычаги время от времени нажимаю. Но ты же сам понимаешь, нет тела – нет дела, а тела нет, и дай Бог, чтобы не было.

– И что же делать?

– Я думаю, ждать. В инопланетян и всякие там пространственные дыры я, конечно, не верю, но время сейчас сам знаешь какое, в Москве какие-нибудь чечены запросто могут человека выкрасть. Американец, да еще предприниматель, могли решить, что за него большой выкуп возьмут. Две недели всего прошло, возможно, со дня на день пришлют нам кассетку с требованиями. Весь сценарий, понимаешь, как в дрянном боевичке: машину под прицел взяли со всех сторон, загнали в какой-нибудь трейлер, потом перекрасили, номера перебили и продали. А людей в Чечню переправили. И то, что вместе с шофером и телохранителем Дмитрий пропал, тоже в эту схему укладывается. Если родственники платить откажутся, им для начала голову шофера в посылке пришлют.

Роберт слушал молча. Он слышал, конечно, и про русскую мафию, и про чеченских террористов-работотворцев. Но не стали бы ведь отца похищать из-за десяти тысяч долларов, а, судя по тому, сколько он пересылал бабушке, заработал он пока очень немного.

– Анжела, несомненно, сильная женщина, – прервал Волгин размышления Роберта. – Она стойко выдержала этот удар, так что о ней ты не беспокойся. Я думаю, вы подружитесь. С отцом твоим у них все очень серьезно, не какая-нибудь там дешевая интрижка. А я по мере своих скромных возможностей помогу, если что. – Он придвинул свой стул поближе к Роберту и плеснул еще водки. – Давай за здоровье. И твое, и Дмитрия, дай Бог ему долгих лет. Ну, и тебе, конечно.

Но пить Роберт уже не мог. В глазах потемнело, голова раскалывалась. Несколько рюмок, и не на два пальца, как у них в Штатах принято, да без закуски, да еще после утомительного перелета сделали свое дело.

– Что с тобой? Тебе плохо? – Волгин вывалил на стол содержимое аптечки и отыскал таблетку баеровского аспирина: – Вот выпей и иди приляг.

Убедившись, что Роберт уснул, он вернулся на кухню и с удовольствием выпил еще.

ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

«24.03.2000 г.

Срочно. Секретно.

Начальнику 13-го особого отдела УФСБ

по Москве и Московской области

Дело № 18/686

Рапорт

Сегодня из Нью-Йорка в Москву транзитным рейсом через Франкфурт прибыл гражданин США Ненашев Роберт, 1980 г. р., студент 3-го курса нью-йоркского криминалистического колледжа. Семья Роберта Ненашева, в особенности его бабушка Рыклина Раиса Михайловна (1925 г. рождения, уроженка г. Москвы, эмигрировала из СССР в США в сентябре 1979 г. вместе с сыном Д. Ненашевым), поддерживает близкие отношения с У. Дейтоном. Таким образом, Роберт Ненашев может представлять оперативный интерес по делу № 18/686.

Формально целью его визита в Москву являются поиски отца – Ненашева Дмитрия Федоровича, 1950 г. р., уроженца г. Москвы, в прошлом футболиста, выступавшего в 1971–1978 гг. за московский «Спартак», ныне гражданина США. С 1997 г. Дмитрий Ненашев постоянно проживает в Москве и является совладельцем сети мотелей и автозаправочных станций. 10 марта с. г. Дмитрий Ненашев исчез при невыясненных обстоятельствах. По заявлению сожительницы Ненашева, Корниловой А. И., Зюзинской МР прокуратурой возбуждено дело, однако розыски результатов не дали.

В рамках дела № 18/686 представляется необходимым отработать следующий вариант развития событий:

1. С высокой долей вероятности можно предположить, что Д. Ненашев убит.

2. К решению приехать в Москву и самостоятельно начать розыски отца Роберта Ненашева подтолкнул У. Дейтон, используя служебное положение и близкое знакомство с его семьей.

3. Возможно, Р. Ненашеву удастся выяснить, что отец его действительно умер насильственной смертью и в своей деятельности он каким-либо образом пересекался с представителями мэрии или правительства Москвы (а, будучи предпринимателем, он неизбежно вступал с ними в контакт). В таком случае У. Дейтон попытается внушить Ненашеву, что в смерти его отца виноват лично Пирожков.

4. Используя все возможные рычаги давления, У. Дейтон будет склонять Роберта Ненашева к убийству В. М. Пирожкова.

Принимая во внимание изложенные соображения, предлагаю:

1. Установить постоянное наружное наблюдение за Р. Ненашевым.

2. Выявить связи исчезнувшего Дмитрия Ненашева с людьми, близкими к В. М. Пирожкову.

3. Заблаговременно подготовить убедительные улики и свидетельские показания, изобличающие незаконную деятельность Р. Ненашева и отдельно У. Дейтона в качестве соучастника и организатора.

4. Учитывая перспективу возможного судебного разбирательства, оформить в установленном порядке санкции на прослушивание телефонных разговоров Р. Ненашева, а также лиц, которых он привлечет для помощи в розысках отца.

5. В зависимости от развития событий материалы, компрометирующие У. Дейтона, можно будет использовать как открыто, так и негласно.

Подполковник Русаков В. Ф.»

Денис Грязнов. 25 марта

С утра позвонил Гордеев и попросил Дениса подъехать к нему в контору.

– Выяснил что-нибудь любопытное? – осведомился Денис, едва переступив порог гордеевского кабинета на Таганской. – Про Лесникова, про Ненашева, про Волгина или про духи?

– Про духи. «Линор Леру» продаются в Москве в пяти парфюмерных салонах, флакон стоит от пятисот баксов – дорого, но не эксклюзивно. Осталось убедиться, что пахло именно ими, пока запах из памяти не улетучился. Вот так. Я ночью долго думал над этими духами. Корнилова, если она достаточно рискованная дама, могла здорово не опасаться: запах к делу не пришьешь. По поводу запахов в суде принимаются во внимание только заключения экспертов-парфюмеров, а мои слова или показания горничной ничего не весят.

– Значит, подозреваешь Корнилову, – протянул Денис. – Фактов, как я понимаю, нет, только психологические построения. Ну, все равно поделись.

– Что рассказывать? Я уже успел навеститься в мотель. Там, естественно, только и разговоров что об убийстве. Действующие лица все перезнакомились и вместе завтракали, в том числе курьер и коммивояжер, это он всех обзвонил и уговорил собраться. Остальные постояльцы их активно сторонятся. По ходу завтрака все высказывали свои версии, сошлись на том, что убийца один из них. В вину арестованного чеченца никто не верит, считают, что он попался под горячую руку.

– И еще говорят, что если не один из них, то Корнилова? Почему не Щукина или, например, не Андреев? Кстати, Корнилова тоже с ними завтракала?

– Нет, суббота же, что ей на работе делать? И ничего такого остальные про нее не говорят. Ей я позвонил, у нее опять мигрень. Еще она мне по собственной инициативе рассказала, что вчера согласовывала наше участие в расследовании с Отаром Гагуа, знаешь, кто это? Бывший спортсмен, большой крестный отец.

– Знаю.

– И еще она от тебя без ума: «Такой обходительный детектив», я изо всех сил язык прикусывал, чтобы не заржать...

– И поэтому ты ее заподозрил?

– Нет, не поэтому.

– А почему?

– Ну, понимаешь, сформулировать обвинение, не имея на руках фактов, я не могу, но точно тебе говорю: не нравится мне эта экзальтированная особа, вся она какая-то насквозь фальшивая. И что самое интересное, о том, что Ненашев мертв, мы фактически узнали от нее. Сказал ей об этом Лесников или она это сама придумала – неизвестно. И теперь этого уже не проверить. Может, она точно знает о гибели Ненашева, но боится прямо об этом сказать?

– Но она же назвала тебе Лесникова до того, как его убили, или, по-твоему, она сама его и убила? Только ради того, чтобы нельзя было проверить, говорил он что-то о Ненашеве или не говорил?

Роберт Ненашев. 25 марта

Константин Эдуардович стремительно влетел на кухню. Анжела, нервно позвякивая посудой, готовила завтрак.

– Доброе утро, детка. – Волгин похлопал ее пониже спины и плюхнулся на стул. – Как наши дела?

– Мигрень. – Анжела мученически вздохнула: – Как подумаю, что сегодня опять беседовать со следователем, просто в дрожь бросает.

– Да, кстати, ты же мне так и не рассказала вчера, что там у вас стряслось? Убийство какое-то, так я понял?

– Убийство, – еще раз вздохнула Анжела.

– Что, прямо в «Лесном» или где-то рядом?

– Прямо в «Лесном». Мало того, в том номере, который точно под моим кабинетом. А еще адвокат какой-то приходил. Гордеев, кажется. Приятный такой молодой человек, и частный сыщик при нем тоже приятный. Их Димины родственники наняли, наверное, те, что в Германии.

– Да? – удивился Волгин. – И что же адвокат?

– Хотел посмотреть бумаги, которые в офисе остались. Спрашивал, не было ли денег у него с собой больших. Про сейф спрашивал. В общем, тот же шарик только в профиль. Милиции я все это уже рассказывала и показывала, а толку никакого.

– Надеюсь, ты не обольщаешься насчет способностей этого «приятного» адвоката? – усмехнулся Волгин.

– Да не переживай, не сказала я ему ничего лишнего. Все как договорились. Сейф был заперт. Я вызвала специалиста, чтобы открыл. Потому что не знала комбинацию. Но он оказался совсем пустым. – Анжела рассказывала нервно и сбивчиво, попутно сражаясь с тостером, который нагло заглотил кусочек хлеба и никак не хотел его выплевывать. Наконец, отчаявшись, она выключила тостер и занялась изготовлением апельсинового сока. – О чемодане я, конечно, ничего ему не сказала.

– Вот и умница. – Волгин облегченно вздохнул.

– Может, ты мне все-таки объяснишь, что в нем было такого секретного, что даже мне нельзя посмотреть?

– Я тебе уже говорил, но могу повторить еще раз. Дмитрий собирался начать совершенно новый бизнес, и в том дипломате была вся документация по этому новому проекту. И он сам лично просил меня в случае чего забрать этот дипломат и спрятать от греха подальше.

– Но какой бизнес, какой проект? Костя, ну мне же интересно.

– Меньше знаешь, детка, крепче спишь, – философски заметил Константин Эдуардович. – Найдется Дмитрий, он сам тебе все расскажет.

– Кстати, надо бы объяснить Роберту наши с тобой отношения, а то подумает невеста что.

– Конечно, конечно! Я сам ему все объясню...

– О чем это вы? – Роберт стоял в дверях и пальцами растирал виски, пытаясь унять головную боль.

– Отоспался, герой, проходи. Завтракать будем. – Волгин заботливо усадил Роберта за стол.

– Доброе утро, Бобби. – Анжела вытряхнула в раковину содержимое соковыжималки. Борьба с апельсинами завершилась сегодня не в ее пользу.

– Так что вы хотели мне объяснить? – Роберт налил кофе. Попробовал – отвратительно. Отодвинул чашку, взялся чистить банан.

– Вчера ко мне заходил Гордеев, адвокат. – Анжела, присев на краешек стула, закурила. – Его, кажется, нанял твой дедушка, так вот он просил тебя позвонить, а лучше заехать.

– Хорошо.

– Но поговорить мы хотели с тобой не об этом. – Константин Эдуардович, раздумывая, прошелся по кухне.

Кухня была довольно большая, но узкая, и, видимо, для придания объема одну стену сделали зеркальной. Волгин взглянул на свое отражение и невольно залюбовался. Внешность абсолютно соответствовала положению, занимаемому им в обществе. Статный пятидесятилетний «настоящий полковник» с благородной сединой в уже слегка поредевших волосах. Как всегда, до синевы выбрит и безукоризненно одет: горчичного цвета фланелевый костюм, бежевая рубашка, темно-бордовый шелковый галстук с замысловатым золотым узором, мягкие кожаные туфли. Смахнув с лацкана воображаемую пылинку, он встал перед Робертом и, отчего-то смутившись, произнес:

– Роберт, у тебя, наверное, мог возникнуть вопрос: в каком качестве я бываю в этом доме? Возможно, наши взаимоотношения с Анжеликой могли показаться тебе не вполне адекватными или, грубо говоря, слишком интимными...

Вообще-то Роберт никакими такими вопросами не задавался и никакой интимности пока не заметил, но столь торжественное предисловие его насторожило. Он отложил банан, от которого так и не успел откусить. В воздухе повисла одна из тех долгих и неприятных пауз, которые могут выдержать только не в меру уверенные в себе люди или мазохисты. Первой не выдержала Анжела.

– Что за таинственность ты тут развел?! – укоризненно воскликнула она. – Мальчик еще подумает невесть что. Короче, Бобби, мы с Константином Эдуардовичем в недалеком прошлом состояли в законном браке. Но все это уже позади, мы остались добрыми друзьями, а с твоим отцом собирались пожениться. И поженились бы, если бы не эта трагедия.

– Ну, а мы с отцом твоим дружим вообще с незапамятных времен, – добавил Волгин. – Лет тридцать уже, наверное. Так что можешь считать меня другом дома, а это, кстати, дает тебе полное право загружать меня своими проблемами и трудностями. Договорились? Больше никаких недомолвок между нами не будет?

Роберт вежливо кивнул, так и не сообразив, зачем его так долго уговаривают, что ничего между ними нет, если на самом деле ничего нет? В конце концов, ревновать за отца и вместо отца он не собирается, а если эта «платоническая дружба» стала причиной его исчезновения, тем лучше. Значит, он объявится, как только получит достаточные основания послать Анжелу подальше или, наоборот, убедится в своих и ее чувствах – отец со своими женщинами еще и не такое выделывал.

– В общих чертах все понятно. – Роберт поднялся. – Я, пожалуй, съезжу пока к Гордееву.

– Вот держи. – Волгин протянул ему ключи от машины. – Перед подъездом стоит вишневый «форд», документы в бардачке, я на тебя оформил доверенность. Там же все телефоны, по которым ты в любое время можешь найти меня или Анжелу, держи нас в курсе.

– И будь осторожен, Бобби, не дай бог и с тобой что-то случится! – Анжела ринулась ему на грудь, но Роберт очень мягко, но настойчиво отстранился.

В своей комнате вынул из шкафа сумку, которую так и не успел распаковать, и вышел из квартиры с твердым намерением без особой нужды сюда не возвращаться.

За рулем он целиком отдался чувству скорости, оживленное движение требовало внимания и полной сосредоточенности, не оставляя места для посторонних мыслей и головной боли. Час бесцельной езды по незнакомому городу, наперегонки с самим собой, пробудил в Роберте зверский аппетит и жажду действия. Перекусив в пиццерии, он решил навестить Гордеева, попутно соображая, где бы ему остановиться на пару дней.

Гостиницы наводили на него тоску, кроме того, на нечто пятизвездочное просто не было денег, а изучать местные трущобы и полутрущобы – не было желания. Друзей в Москве у него, естественно, не было, а родственники... Ну, в принципе можно попробовать.

Роберт взглянул на часы – половина десятого. Поскольку сегодня суббота, пять к одному, что Игорь еще валяется в постели и наверняка проваляется еще как минимум час. Как раз хватит времени на официальные визиты. Роберт широко улыбнулся и подмигнул сам себе в зеркальце заднего вида. Настроение сразу улучшилось. Здорово все-таки, когда есть люди, одно воспоминание о которых помогает избавиться от бледной немочи и оргбессилия. Тем более когда этот человек твой родной брат. Родной, правда, только по отцу, но это, в конце концов, не так уж и важно. А то, что общались они в своей жизни всего две недели, когда Игорь приезжал к отцу в Нью-Йорк, не имеет значения. Чтобы разобраться в человеке, и двух недель вполне достаточно.

На перекрестке Роберт остановился на красный свет. На тротуаре у обменного пункта хохотали две странного вида девчонки, пытаясь сложить мятые зеленые бумажки в аккуратную пачечку. Им было лет по четырнадцать. У одной в ушах торчало штук двадцать сережек, а на куртке во всю спину красовалась надпись: «Женщина без мужчины – что рыба без мотоцикла!» Другая щеголяла ядовито-зеленой шевелюрой, ниспадающей на не менее ядовитый алый лайковый плащ. Глядя на них, Роберт почему-то подумал об Анжеле.

Мимо на полной скорости пронесся черный «БМВ». Из окна высунулся мужчина в маске с короткоствольным автоматом и полоснул очередь над головой у незадачливых хохотушек. От неожиданности те присели, а упавшие доллары подхватил порыв ветра. Машина понеслась по улице, отчаянно вихляя, задний номерной знак был заляпан грязью.

Из разбитой витрины осторожно высунулся перепуганный молодой человек и, проводив взглядом удаляющийся «БМВ», длинно и смачно выругался. А девушки, убедившись, что опасность миновала, не долго думая, бросились ловить свои деньги.

Роберт оторопело наблюдал за происходящим. Никакой милиции, даже любопытные прохожие не остановились поглазеть на разгромленный киоск. Неужели здесь такие перестрелки настолько привычны и обыденны?

Зажегся зеленый, и водитель стоящей сзади машины начал нервно сигналить. Еще раз осмотревшись и убедившись, что пострадавшие отделались легким испугом, Роберт нажал газ.

Роберт Ненашев. 25 марта

– Роберт Дмитриевич, я полагаю? – Адвокат энергично пожал руку Роберта. – Гордеев Юрий Петрович. Зная вашу американскую нелюбовь к отчествам, можно просто Юрий, или просто мистер Гордеев. А это Денис Грязнов, его частное детективное агентство окажет нам оперативную помощь. Располагайтесь, рассказывайте, спрашивайте, в общем, почувствуйте себя как дома.

Роберт уселся в предложенное ему кресло:

– Вам что-нибудь уже удалось узнать?

– Практически ничего, – ответил Гордеев. – Я, собственно, занялся этим делом только два дня назад, а Дениса привлек вообще только вчера, так что похвастать пока нечем.

– Мы бы вас хотели послушать, Роберт Дмитриевич, – сказал Грязнов. – Расскажите нам об отце, что он был за человек, какие у него были привычки, склонности, странности, особые приметы. Какой образ жизни он вел, без чего не мог обойтись, каких женщин любил?...

– И зачем вам такие подробности?

– Затем, что самые простейшие его контакты милиция все-таки, наверное, отработала и никаких следов не нашла, значит, нужно, Роберт Дмитриевич, копать глубже, а для этого нам нужно и знать больше.

– Хорошо, я попробую, – вынужден был согласиться Роберт. – Кстати, можно без отчества, можно на «ты», а друзья зовут меня Скат. Так вот, женщин он любит всяких, но особенно длинноногих брюнеток, обойтись не может без машины, пешком не ходит даже в магазин за углом, образ жизни, ну не знаю, работает много. Странностей я за ним не замечал, склонности... к расчету и сложному планированию – любит многоходовые комбинации, главная привычка – есть яйца на завтрак, в любом виде, но яйца, особые приметы: правая нога у него неправильно срослась после перелома, это даже без рентгена заметно, и еще он постоянно носит перстень и кулон с монограммами «МЕЧ». Эти вещишки подарил ему мой дед, в смысле его тесть. МЕЧ – это инициалы деда: Чернявский Михаил Евгеньевич.

– Н-да, негусто, – подытожил Денис.

Роберт только пожал плечами. Он шел к Гордееву со смешанным чувством подозрительности и в то же время надежды. С одной стороны, он никак не мог преодолеть априорное недоверие к адвокату, нанятому матерью, которой он практически не знал и о которой отец и бабушка никогда не сказали ни одного доброго слова. Отец называл ее похотливой и взбалмошной, говорил, что замуж за него она вышла исключительно из корыстных соображений, что никогда его не любила, что сильно не хотела детей и что отвратительно относилась к Роберту, даже регулярно избивала его, пока отец не развелся и не отсудил сына себе. Никаких этих издевательств Роберт не помнил. Мать в его памяти осталась смутным образом очень-очень молодой и вечно грустной женщины, которая много курила и никогда не смеялась. Но отцу он верил – какой смысл ему было обманывать? И тем не менее, когда отец пропал, мать первая позвонила Роберту и предложила помощь. Причем тут уж ее вряд ли можно было заподозрить в какой-то корысти, ибо не надеялась же она, в самом деле, на наследство в случае его смерти?

И все-таки ее тревога за отца вполне могла оказаться изошренным лицемерием, и тогда нанятый ею адвокат будет только морочить голову Роберту и не помогать, а, наоборот, мешать ему в поисках отца. Но, с другой стороны, если за всем этим не кроются никакие ее коварные планы, то адвокат толковый и удачливый может оказаться крайне полезен. Ибо в этой насквозь коррумпированной стране милиция уже напрочь забыла, чем она должна заниматься и кому должна служить.

Первый взгляд на Гордеева недоверия Роберта не развеял, но и не укрепил. Держался адвокат подчеркнуто дружелюбно, казалось, сразу проникся к Роберту симпатией и сочув-

ствием. Но это, в конце концов, его работа, если б он смотрел волком и посылал подальше всех, кто ему чем-то не понравился, он растерял бы всех клиентов. А, судя по довольно скромной обстановке кабинета, их и так было немного.

Зато Денис Грязнов был прост и понятен. А поскольку именно он и его сотрудники будут непосредственно вести поиски, достаточно держаться к нему поближе и по возможности избавиться от адвокатского посредничества. Тогда, во-первых, сложно будет от него что-то утаить, а во-вторых, если работать сыщики будут только для виду, это сразу станет ясно.

– А когда ты в последний раз его видел? – продолжал Денис задавать вопросы.

– Полгода назад он приезжал в Нью-Йорк. Приезжал на две недели, но дома был, наверное, всего дня три. Летал в Даллас, говорил, что хочет купить какие-то американские технологии, чтобы расширить свой бензиновый бизнес.

– И купил?

– Не знаю, наверное.

– А как вы в принципе общались? Письма писали, звонили друг другу?

– Отец звонил, но не часто. Иногда раз в месяц, просто сказать, что перевел деньги, иногда два-три раза в месяц, когда бабушка болела, например.

– И много он посылал вам денег? – поинтересовался Гордеев. – Извини, конечно, за нескромный вопрос.

– Немного, – отрезал Роберт. – Но нам хватало.

– И в последний раз он когда звонил? – уточнил Денис.

– В начале марта, пятого или шестого.

– То есть за четыре-пять дней до того, как пропал. Ничего необычного не говорил? Не предупреждал, что может исчезнуть на недельку-другую, или, может быть, на что-то жаловался, или, наоборот, радостью какой-то делился, нет?

– Не знаю, разговаривала с ним бабушка, совсем недолго, и ничего экстраординарного, насколько я понимаю, в этом разговоре не было и необычного тоже. Предупредил, что перевел деньги, справился о здоровье, и все.

– Ясно. – Денис в задумчивости забарабанил пальцами по столу.

– Что ясно? – не понял Роберт.

– Ничего. – Он, казалось, был разочарован, явно ждал от разговора большего. – Ты хочешь, чтобы мы тебе помогли найти отца, так? Ты уверен, что не можешь больше ничего нам рассказать?

– Абсолютно уверен, я сам давно уже ничего не знаю, с тех пор как он в Москве. Ни о его делах, ни о личной жизни, вообще ни о чем.

– Постой, – удивился Денис, – ты что же, летел через океан только ради того, чтобы прийти в милицию и сказать: граждане, вы плохо работаете? Как ты собирался разыскивать человека в незнакомом городе, в чужой стране, не имея ни друзей, ни знакомых и к тому же ничего о нем не зная, кроме имени?

– Ну, во-первых, я собирался поговорить с братом.

– Здесь, в Москве?

– Да, здесь, в Москве, его зовут Игорь Ненашев. Он мне брат, правда, только по отцу, в смысле он от первого брака. Но отец с ним часто общался, отношения у них были вполне замечательные, Игорь и в Нью-Йорк к нам приезжал. Так вот, я рассчитывал выяснить у него все подробности, а потом с ним или без него, но начать наконец что-то делать. Потому что у меня сложилось впечатление, будто всем глубоко плевать: был человек – хорошо, нет человека – тоже нормально.

– Ты не прав, – не захотел соглашаться Денис, – кто-то же сообщил тебе об исчезновении, значит, не всем плевать. Кстати, а кто это был, Игорь?

– Нет, я потом с ним созванивался, он не посылал ту телеграмму.

- Телеграмму?
- Да, мне тоже это показалось странным, можно же позвонить...
- Телеграмма была без подписи?
- Без. Текст, насколько я помню, следующий: «Дмитрий исчез. Возможно, случилось непоправимое. Примите меры. Ему нужна ваша помощь».
- Странный текст, – заметил Гордеев. – Если с ним случилось непоправимое, то зачем помощь? Или непоправимое случилось с кем-то или с чем-то другим?
- Не знаю. Мы с бабушкой вначале решили, что это чей-то глупый розыгрыш, перезвонили отцу, и его подруга сказала, что все это правда, что отца никто не видел уже несколько дней. А потом позвонила из Мюнхена моя мать, им прислали точно такую же телеграмму и сообщили наш телефон в Нью-Йорке.
- И какого числа это было? – спросил Денис.
- Семнадцатого. А исчез он десятого.
- Значит, через неделю. Слушай, Роберт, а сам твой отец не мог... – Грязнов немного смутился. – Ты уж извини за такое предположение, но мы должны учитывать все варианты. Короче, сам он не мог послать эту телеграмму? Попал в сложную ситуацию, бизнес есть бизнес, задолжал кому-то или его подставили с какой-нибудь сделкой, кредиторы давят, он скрывается, срочно нужны большие деньги...
- Но у нас нет денег, – возразил Роберт. – Отец, перебравшись в Москву, снял с нашего счета все и вложил здесь в дело.
- А у твоей матери? Они, кстати, разведены?
- Разведены. А насколько она богата, я не знаю. Да и по поводу гонорара за ваши услуги...
- Пока ты нам еще ничего не должен, – успокоил Гордеев. – Твой дедушка заплатил аванс, и мы его еще не отработали.
- Роберт подумал, что, пожалуй, поздновато дедушка сделал ему первый в жизни подарок, но решил, по крайней мере пока, от него не отказываться, ибо денег у него было катастрофически мало, а поиски могли затянуться на неопределенный срок.
- Только я хочу быть в курсе всего, что вы выясните, и по возможности участвовать во всем, что вы решите предпринять.
- Без проблем, – согласился Денис. – А кроме Игоря кого из знакомых отца ты еще соби-
рался расспрашивать?
- Анжелу – его нынешнюю пассию, а еще есть, оказывается, такой Волгин, полковник милиции. Я о его существовании до вчерашнего дня не подозревал, но он сам меня нашел и доложил, что держит руку на пульсе и всегда готов помочь.

ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

«25.03.2000 г.
Срочно. Секретно.
Начальнику 13-го особого отдела УФСБ
по Москве и Московской области.
Дело № 18/686

Репорт

Поводом для прибытия Роберта Ненашева в Москву с целью розысков отца послужила анонимная телеграмма, отправленная 17.03.2000 из Москвы с Центрального телеграфа. Аналогичная телеграмма была отправлена в

Мюнхен по адресу второй жены Дмитрия Ненашева, матери Р. Ненашева, Юлии Чернявской. Чернявская, используя связи своего отца, в прошлом следователя Мосгорпрокуратуры и впоследствии члена Московской городской коллегии адвокатов, для содействия Р. Ненашеву в его поисках наняла в Москве адвоката – Гордеева Юрия Петровича. Гордеев привлек к делу частное детективное агентство «Глория», возглавляемое Грязновым Денисом Андреевичем. Следует обратить внимание на тот факт, что Д. А. Грязнов является племянником начальника МУРа В. И. Грязнова, а в последнее время, как известно, в связи с рядом кадровых перемещений в МВД и руководстве Московского городского УВД отношения между МУРом и мэрией крайне обострились.

В свете сказанного представляется возможной следующая версия: исчезновение Д. Ненашева, прилет в Москву Р. Ненашева и привлечение к поискам детективного агентства «Глория» – заранее спланированная У. Дейтоном многоходовая комбинация с целью физического устранения В. М. Пирожкова.

Учитывая сложность ситуации, прошу выдать санкцию на проведение спецмероприятий по выявлению связи между В. И. Грязновым и У. Дейтоном.
Подполковник Русаков В. Ф.»

ЧДА «Глория». 25 марта

Пока Денис общался с Робертом, все уже собрались. Сева Голованов и Николай Щербак гоняли чай и травили байки, Макс самозабвенно ковырялся в потрохах компьютера.

– Граждане сотрудники, у нас есть работа, – прервал Денис на полуслове очередную сальную историю в исполнении Голованова.

– А она хорошенькая? – справился Щербак. – Клиентка в смысле.

– Двадцать лет, светлые волосы, рост где-то 185, широкие плечи, осиная талия... – перечислял Денис, а Щербак с Головановым восторженно переглядывались, уже чего-то там предвкушая, – длинные ноги, большие серые глаза, короткая бородка и тоненький такой бумажничек.

– Тьфу ты! – досадливо поморщился Сева. – Пацан, что ли? Да еще и нищий?

– На работе надо делом заниматься, – веско заметил Макс, выныривая из недр системного блока. – А шуры-муры разводить в нерабочее время и не с клиентами.

– Вот! – Денис многозначительно поднял указательный палец. – Истину человек глаголет, а вам лишь бы зубоскалить да за юбками бегать.

– Ну, а делать что придется? Может, хоть поводить молоденькую, хорошенькую? – озвучил последнюю надежду Щербак.

– Или поискать кого среди молоденьких, хорошеньких? – поддержал Голованов.

– Значит, так, – жестом прервал беспредметный спор коллег Денис. – Дела у нас как бы два: во-первых, нужно отыскать без вести пропавшего бизнесмена Ненашева Дмитрия Федоровича, во-вторых, прояснить обстоятельства убийства некоего Лесникова Сергея Сергеевича, почившего от пистолетного выстрела в мотеле, принадлежавшем пропавшему Ненашеву. По первому делу клиентом выступает сын Ненашева Роберт, второе дело пока беспризорное, но есть мнение, что Лесникова убили за то, что он слишком много знал об исчезновении Ненашева.

Денис вкратце обрисовал коллегам все, что уже знал сам и предложил высказываться:

– Соображения есть?

– Ну, по Лесникову, хоть и занимаются им следственные органы, надо отрабатывать весь джентльменский набор, – откликнулся Голованов.

– Согласен, – кивнул Денис. – Давай-ка ты, Сева, этим и займись. Найди подход к следователю и оперативникам, которые этим расследованием заняты. А чтобы создать себе рабочее настроение, можешь начать с девочек, которые Лесникова развлекали. А теперь на предмет Ненашева. Похитили его, я думаю, вряд ли, уже две недели – и никаких требований...

– Значит, замочили, – закончил мысль Щербак.

– Или сбежал, – предположил Макс.

– Будем определять круг знакомств Ненашева, его деловых партнеров, причины, по которым он мог смотаться или за что его могли убрать, – сказал Денис.

– Я могу прошерстить базы данных статуправления, проверить учредительные документы, выяснить его партнеров и соучредителей, если таковые имеются, – предложил Макс.

– А мне, значит, идти в народ, выяснять, не было ли на его бензоколонки и мотели наездов? – спросил Щербак.

Денис на этом вовсе не настаивал.

– Хочешь, можешь шагать в офис, заговаривать мигрень у его сожительницы.

– Нет уж. – Щербак отрицательно замотал головой. – Я уж лучше на свежем воздухе поработаю.

– Немногочисленных ненашевых родственников и общение с органами по Лесникову, пожалуй, возьму на себя, – решил Денис. – Скажем, сегодня часиков в шесть подведем первые итоги.

Роберт Ненашев. 25 марта

За время недолгого общения Скотт успел кое-как изучить привычки родственника, потому терзал дверной звонок долго и настойчиво. Наконец замок щелкнул, и в дверях появился широко зевающий Игорь. Роберт сделал серьезное лицо и, решительно шагнув в квартиру, произнес скрипучим тенором:

– Киллера вызывали?

Заспанное, небритое лицо Игоря расплылось в широкой улыбке:

– Братишка! Слушай, а как у вас на загнивающем диком западе борются с похмельем?

Роберт похлопал его по небритой щеке и сокрушенно покачал головой:

– Не на жизнь, а на смерть.

– Ладно, милости прошу к нашему шалашу. Сейчас очеловечусь – кофе пить будем. – Игорь поковылял в душ, а Роберт принялся разглядывать «шалаш» брата.

Квартира была достаточно маленькая, по американским меркам: всего одна комната квадратов на тридцать. Вообще, у Роберта сложилось впечатление, что в России то ли строить не умеют, то ли это национальная идея такая, что жить надо в тесноте. Вон и у отца тоже жалкие четыре комнаты, если гости придут, и развернуться негде. В Нью-Йорке у них был домик, очень-очень скромный, по тамошним меркам. А все же два этажа и все такое.

Зато обстановка у Игоря была вполне уютная – много всякой травы: пальмы там, лианы, кактусы-фикусы, много мягкой мебели, а при ней низкие столики, в данный момент заставленные разнокалиберными бокалами и стаканами, свидетельствовавшими о бурной и продолжительной вчерашней попойке хозяина, видимо, в большой компании.

Роберт порывлся в стопке компакт-дисков и, не найдя ничего для души, в ожидании завершения процесса очеловечивания уселся в классное пещерообразное кресло.

Игорь, приобретший после душа вполне цивилизованный вид, пулей влетел в комнату. Великолепные рыжие кудри, изумрудно-зеленые глаза, большие очки в золотой оправе, под рубашкой уже угадывается небольшое брюшко, и все это: и глаза, и очки, и даже брюшко – так и лучится навстречу Роберту. Смотреть – одно удовольствие.

Освободив один из столиков от грязной посуды путем перемещения ее на соседние, Игорь сервировал его с изяществом заправского официанта, но кофе снова оказался жидким и безвкусным. Не везло сегодня Роберту на кофе.

– Без кофеина? – поморщился он.

– Может, тебе еще и кокаину добавить?! Здоровье беречь надо! Кстати, о здоровье... – Он открыл бар и, изучив солидный набор бутылок, остановил свой выбор на коньяке «Багратион». Плеснул понемногу в большие рюмки: – За отца. Хороший он у нас мужик, понимающий. – Выпили. – Ты, кстати, из-за него и приехал? Надолго думаешь задержаться?

– Пока не найдем, – усмехнулся Роберт. – Ты о себе-то расскажи, чем занят, и вообще.

Игорь пожал плечами:

– Что рассказывать? У отца и тружусь, коммерческим директором.

– Ну и как?

– А как все у нас... – Игорь лениво махнул рукой. – В России все через задницу и бизнес также. Работаете, работаете... Короче, Гоголя читал? У России три беды – три «Д»: дураки, дороги, деньги.

– Разве Гоголь про деньги что-то говорил?

– Неужели читал?! – поразился Игорь. – Это потому он не говорил, что они у него были, а то бы обязательно сказал.

– А что, у нынешних ваших бизнесменов их нет?

– Есть, почему же. Только здесь наблюдается уже другая патология. И ее уже другой классик охарактеризовал как ССС – секс, садизм, снобизм, на эти вещи и уходят, даже не уходят, а утекают почти все их деньги. Но беседовать на эту тему можно долго и нудно. Давай-ка лучше скорректируем наши планы и, не забывая о священном сыновнем долге, постараемся тем не менее получить от жизни максимум удовольствия.

– Да, о планах, я тут решил нарушить твоё отшельничество и собираюсь за несколько дней разрушить у твоих соседей все представления о твоей целомудренности и гетеросексуальности. Ты не против?

– Ну-ну, рискни здоровьем. Я вот тебя при случае со своей герл-френд познакомлю. Ещё та штучка, и главное – любит, когда мои друзья бродят стадами. Ей, видите ли, меня одного для самовыражения недостаточно.

В дверь позвонили.

– Это уже она?! – разыграл панический ужас Роберт.

– Да ещё с подругами. – Игорь поднялся с кресла и, кивнув в сторону бара, предложил: – Налей себе ещё. Я скоро. – Он вышел в прихожую, а через минуту вернулся и, вынув из шкафа небольшой чёрный «дипломат», снова исчез в прихожей, плотно прикрыв за собой дверь: – Извини, это буквально две минуты.

Роберт нажал на кнопку лежавшего рядом пульта. По телевизору шли новости. Диктор с сосредоточенным лицом рассказывал о событиях дня:

– До выборов остался один день. Уже завтра станет ясно: ожидает ли нас второй тур или президент России будет избран в первом. На связи с нами председатель Центризбиркома Российской Федерации...

Роберт плеснул себе немного коньяка, сделал глоток и откинулся в кресле, наслаждаясь разливающимся по телу теплом. Он прикрыл глаза и вполуха слушал, что там ещё такого плохого происходит в этой стране.

– В Чечне на сегодняшний день проголосовало уже шестьдесят процентов избирателей. Подробнее об этом в репортаже...

Внезапно из прихожей послышался грохот. Роберт нехотя поднялся и приоткрыл дверь. У выхода на корточках сидел шуплый человечек с большой коричневой родинкой на правой щеке и тщетно пытался справиться с застёжками «дипломата», падение которого на пол и было, видимо, причиной шума. Руки незнакомца почему-то сильно дрожали, и лицо было покрыто испариной.

– Я уже иду. – Игорь легонько втокнул Роберта обратно в комнату и поспешил на помощь незадачливому гостю.

Не девушки, разочарованно констатировал Роберт и, тут же напроць забыв о странном визитере, плюхнулся в кресло, вдруг заинтересовавшись тем, что происходило на экране. А на экране в интерьере Большого театра перед кучкой журналистов переминался с ноги на ногу крепкий некрасивый практически лысый мужчина, явно не расположенный отвечать на многочисленные вопросы. На его круглом мясистом лице выражение гордости собственными достижениями время от времени сменялось выражением смертельной скуки. Безразличные узенькие глазки лениво блуждали по лицам репортеров. И за его плечом ... доморощенная графоманка из самолета.

«Господи, она ещё и знаменитость!» Роберт сделал погромче.

– ...я лично проинспектировал сегодня части ГУВД Москвы и утверждаю, что завтра в городе никаких беспорядков не будет, – заявил лысый. – Выборы пройдут без эксцессов.

Видеоряд сменился. Теперь Она уже сидела за столом, уставленным микрофонами, а диктор говорил:

– Как заявила пресс-секретарь мэра Наталья Волгина...

Хлопнула входная дверь. Появился Игорь:

– Ну как? Проникся судьбоносностью момента? – Он приглушил звук. – Слушай, а давай в баньку сходим...

Роберт, поразмышляв пару секунд, родственница эта Наташа Волгина тому Константину Эдуардовичу или просто однофамилица, решил, что это, в сущности, не имеет значения, и рывком поднялся с кресла:

– Давай окунемся в русскую экзотику.

В Сандунах их встретил пухленький румяный коротышка:

– Батюшки, Игорь Дмитриевич пожаловали. – Лицо его светилось радостью и гостеприимством. – Давненько, давненько не заходили.

– Дела, – отмахнулся Игорь.

– Не жалеете вы себя, не бережете. – Коротышка суетился вокруг них, помогая раздеваться, аккуратно раскладывая вещи по шкафчикам, подавая свежие полотенца с подобострастием, от которого, наверное, поташнивало даже самых заядлых любителей лести.

Роберт был в русской бане впервые, по крайней мере, в настоящей русской бане. Отец говорил, что те бани, которые русские эмигранты держали на Брайтон-бич, и не бани вовсе, а всего лишь их жалкое подобие. Но Роберт и туда-то никогда не ходил. А был бы повод сравнить, однако. И еще Игорь всю дорогу расхваливал дивный массаж, который якобы омолаживает лет не менее чем на десять, повышает потенцию и на корню истребляет еще не зародившиеся болезни. И настоятельно рекомендовал Роберту на собственной шкуре испытать искусство лучшего на всю Москву массажиста-виртуоза Михалыча. Роберт чувствовал себя совершенно нормально, на потенцию не жаловался и впадать в детство (а помолодежь он на десять лет, ему было бы девять) не собирался, но профилактика, как говорится, мать порядка. Почему бы и не попробовать?

– Михалыч сегодня работает? – справился Игорь.

– Да где ж ему деться? Здесь он, наш чудотворец. – Толстяк просунул голову в дверь и заорал: – Михалыч, принимай дорогих гостей!

Массажист появился в дверях раздевалки. Он был невысокий, с крепким торсом и шикарной шевелюрой темно-каштанового, почти черного цвета. Левое плечо у него было на несколько сантиметров выше правого из-за отсутствия левой руки. А хитро прищуренные глаза, прятавшиеся под кустистыми бровями, улыбались, хотя лицо при этом оставалось бесстрастным и неподвижным.

– Знакомся, Михалыч, братишка мой американский – Роберт, – представил Игорь. – Последний из славного рода Ненашевых.

– Милости просим, – кивнул массажист.

А банщик продолжал путаться под ногами:

– Парок сегодня отменный, Игорь Дмитриевич, сейчас организуем все в лучшем виде. Останетесь довольны, всенепременно.

Игорь отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и, поманив Роберта за собой, скрылся в клубах горячего пара.

Роберт по примеру Игоря долго хлестал себя душистым дубовым веником и даже, как ни странно, получал от этого садистского упражнения большое удовольствие, пока от жары и духоты не закружилась голова. Пошатываясь, он выбрался из парилки и тут же попал в надежные руки или, скорее, руку (она ведь была одна) массажиста. И тот, бережно уложив парня на кушетку, тут же занялся делом, причем рот его практически не закрывался:

– Весна в этом году выдалась холодная, грипп свирепствует, и банька – это первое дело от всякой хвори. – Михалыч легонько гладил Роберта по спине и плечам, втирая в кожу ароматное масло. – Молодежь-то нынче хлипкая пошла, дунешь на него, он и свалится. Мы вон в сорок

первом под Москвой сутками в снегу лежали. И что? А ничего! Опрокинешь наркомовские сто грамм – и как огурчик, хоть бы кто захворал.

Массажист ловко разминал шею Роберта, сильными пальцами прощупывая каждый позвонок. Создавалось полное впечатление, что по затылку марширует стадо слонов на ходулях – Михалыч жал сильно, но точно.

– Батюшка ваш здоров ли? Что-то не видно его давно.

– А что, раньше часто бывал?

– Раньше-то каждую субботу здесь. А теперь что-то не заходит. Весна же, не может быть, чтобы ему без надобности. Радикулит ведь у него. Бывало, скрутит его, бедолагу, только тут и спасался, и нога эта его сломанная тоже: как погода меняется, он ко мне: разомни, мол, Михалыч. Дела небось, да? А о здоровье и подумать некогда.

– Дела... – Роберт не стал пускаться в подробности.

Михалыч в разговоре был самодостаточен и нуждался скорее в слушателях, нежели в собеседниках. К тому же, когда он перебрался на спину, грудная клетка Роберта так сплющилась, что стало не до разговоров.

– Да, отец ваш в годах, а бывало, полчаса в парилке сидит, веником себя хлещет, да только покрывает. Тут и молодые пять минут посидят, и деру. Конечно, никогда слова про сердце не сказал, а все-таки работать надо меньше...

Происходили странные вещи. Роберт перестал чувствовать затылок и вообще засомневался, что он у него есть. Потом пропало ощущение спины, теперь он терял руки, а Михалыч, откупорив новую бутылку масла, продолжал разыгрывать монодраму:

– А последний раз пришел, помню, расстроенный совсем, грустный какой-то. Уж, поди, месяц назад это было. Доконают, говорит, они меня совсем, а кто доконает, бог его поймет. А потом ничего, оттаял. Не дрейфь, говорит, Михалыч, мы еще повоюем. И еще что-то сказал, заковыристое такое, и не вспомнить сразу...

В дверь заглянул Игорь:

– Эй, водка киснет, из икры мальки вылупляются!

Роберт легко спрыгнул с кушетки и пошевелил плечами. Эффект был поразительный. Ощущение членов вернулось, и из всех пор неудержимо рвались легкость, сила и желание двигаться.

– Михалыч, размеры его благодарности не будут иметь границ. – Игорь сунул в карман массажиста невесть откуда взявшуюся двадцатидолларовую бумажку.

– Спасибо, это было гениально. – Роберт пожал огромную ладонь.

– Заходите еще. Милости просим. – Михалыч широко улыбнулся и, удержав Роберта, добавил: – Я слова эти вспомнил, что отец ваш тогда сказал. У них, говорит, нет пророка в своем отечестве, а как насчет Магомета? И засмеялся еще.

Гаффар Мусаевич. 25 марта

Весна в Швейцарию в этом году, видимо, решила не заходить. Несмотря на конец марта, кое-где лежал снег, и температура редко подымалась выше нулевой отметки.

На зеленой скамейке сидел сухопарый пожилой джентльмен в светлом плаще и элегантной серой шляпе. Он слегка запрокинул голову и подставил лицо еще скупому солнцу. Было довольно холодно. Мимо проходили редкие влюбленные парочки и закутанные в многочисленные шарфы няни с колясками, где-то вдалеке слышался гомон детворы и шум аттракционов. Джентльмен прервал солнечную ванну и посмотрел на часы, потом поежился и спрятал в карманы озябшие в тонких кожаных перчатках руки.

По аллее походкой скучающего человека прогуливался приземистый плотный мужчина в толстом коричневом пальто и с бумажным пакетом под мышкой. Поравнявшись со скамейкой, он приподнял шляпу:

– Холодный денек, не правда ли? Добрый день, мсье Омелин.

– Добрый, добрый. Присаживайтесь.

Мужчина поплотнее запахнул пальто и уселся рядом:

– Чем порадуете?

– Я доложил ваши предложения и получил принципиальное одобрение. Мы весьма заинтересованы. – Омелин подышал на окоченевшие пальцы.

– Испытали?

– Разумеется, весьма впечатляющий результат.

– Здесь документация: схемы, режимы, зависимости от всяких внешних условий и так далее. – Сосед положил ему на колени пакет. – Там еще кассета, где вы найдете весьма любопытный материал – испытания в самых различных условиях.

Омелин вначале бегло просмотрел бумаги, потом перечитал внимательнее.

– Это чрезвычайно интересно. – Он спрятал документы во внутренний карман плаща.

Мимо с визгом пронеслись трое мальчишек-подростков на роликовых коньках, несмотря на холод, они были в легких куртках и полной экипировке роллеров: наколенники, налокотники, перчатки без пальцев, только на головах вместо шлемов косынки с изображением государственного флага. Провожая их глазами, мужчина в пальто глубокомысленно произнес:

– Знаете, мне пришло в голову, что флаг Швейцарской Конфедерации – это негатив флага Красного Креста.

– Вы не любите Швейцарию, мсье Гаффар?

– Не знаю... Здесь удобно работать, но неуютно жить. Вот вам, дипломатам, не кажется, что весь этот здешний нейтралитет плохо пахнет?

– Странно слышать такие речи от человека, который зарабатывает деньги подобным образом. – Омелин достал пачку «Parlament», предложил сигарету соседу и закурил сам. – Дело за малым. Нужно определить цену.

– Я скромный человек и не требую слишком много. – Гаффар написал на пакете число с семью нулями. Собеседник, усмехнувшись, перечеркнул предложенную сумму и написал ниже число с пятью нулями:

– Мы вряд ли сможем предложить вам больше.

Гаффар поморщился:

– Мы же не на китайском базаре. И я не продаю ширпотреб. Я предлагаю вам ноу-хау. – Он зачеркнул вторую цену и крупно, старательно вывел число вдвое меньшее своего первоначального. Украсив его изящными вензелями, он категорично произнес: – Это минимум, на который я могу согласиться. – А потом мечтательно добавил: – На нашей многострадальной земле так много нечистоплотных бизнесменов и проблемных экономических ситуаций...

Омелин не стал больше препираться:

– Мы ценим, мсье Гаффар, что вы обратились именно к нам. Я очень надеюсь, что мое руководство отнесется к вопросу с пониманием.

– С вами всегда приятно иметь дело. До свидания. – Он поднялся и, слегка поклонившись, побрел по аллее в сторону Женевского озера.

– До свидания, – задумчиво сказал ему вслед Омелин и, что-то насвистывая, отправился в противоположную сторону.

Адвокат Гордеев. 25 марта

Позвонив Волгину в министерство, Гордеев выяснил, что полковник, оказывается, не только просиживает штаны в высоких кабинетах, но еще и читает лекции будущим юристам, а ныне студентам университета. Юрию Петровичу вдруг захотелось вспомнить молодость, снова усесться за парту, и он поехал на Ленинские горы. Но, увы, на лекцию Волгина опоздал – полковник уже в дверях аудитории отвечал на последние вопросы самых заядлых студентов.

– Константин Эдуардович, – Гордеев бесцеремонно отеснил юного очкарика, явно утомлявшего полковника своей нудностью, – у меня к вам всего пара вопросов.

– Не сегодня, – отмахнулся Волгин. – Приходите в среду на лекцию.

– Я по поводу Ненашева, – пояснил Гордеев. – Мы можем где-то поговорить?

– В машине. – Полковник стремительно пошагал к выходу, жестом пригласив адвоката следовать за ним.

Они уселись в служебный «мерседес» и шофер, не дожидаясь распоряжений, тут же рванул с места. Видимо, у полковника было очень жесткое расписание.

– Я Гордеев, адвокат, по просьбе его родственников занимаюсь поисками Дмитрия Ненашева. Я бы хотел узнать...

– Документы у вас есть? – оборвал Волгин и долго изучал удостоверение Гордеева. Так долго, как будто оно было выполнено клинописью или китайскими иероглифами. – Что вас интересует?

– Итоги официального расследования.

– А почему бы вам не обратиться непосредственно к тем, кто его вел?

– Потому что я уже обратился, но получил формальный и ни к чему их не обязывающий ответ: расследование еще не закончено...

«Мерседес» мягко приткнулся к тротуару у министерства.

– Вы думаете, я стану это отрицать или опровергать? Расследование действительно не закончено и не закончится, пока Дмитрий не будет найден. Живой или мертвый. – Они пронеслись по коридорам министерства и достигли кабинета полковника. – Кофе, – бросил он секретарше и устремился к своему столу, где как минимум четыре телефона из доброго десятка призывно помигивали разноцветными лампочками.

– Но вы ведь не станете отрицать, что параллельное частное расследование ничему не повредит и даже наоборот? – спросил Гордеев, терпеливо переждав три крайне срочных телефонных разговора, во время которых вынужден был деликатно отворачиваться и смотреть в окошко.

– Ну, так и ведите его параллельно, – невозмутимо заявил Волгин. – Зачем вам замутнять свое незамутненное еще восприятие проблемы какими-то официальными милицмейскими соображениями? Зачем вы вообще пришли?

– Чтобы поговорить с вами. – Гордеев был готов к прохладному приему, потому заранее дал себе установку быть предельно корректным и терпеливым. – Поговорить, во-первых, как с милицмейским чиновником, во-вторых, как с другом Ненашева и, в-третьих, как с бывшим мужем Корниловой...

– Вы что, Анжелику в чем-то подозреваете? – успел удивиться полковник до того, как снова взялся за телефон.

– Скажем так, мы проверяем показания свидетелей, – ответил Гордеев спустя каких-то пять минут. – Она была почти что свидетелем убийства. Вам ни о чем не говорит фамилия Лесников? В период вашей совместной еще жизни с Корниловой не было у вас такого среди друзей, знакомых?

– Не помню, но какое вы к этому убийству имеете отношение? Или вы решили заменить милицию на всех фронтах?

– Я полагаю, что это убийство может вполне быть тесно связанным с исчезновением Ненашева. Вспомните, пожалуйста, Лесников Сергей Сергеевич из Волгограда, бизнесмен.

Полковник неопределенно пожал плечами:

– Распространенная фамилия. Наверняка знал кого-то с такой фамилией, возможно, даже не одного, но бизнесменов что-то не припомню.

– А двадцать четвертого днем вы не звонили Корниловой?

– А она говорит, что звонил?

– Не важно, что говорит она, вы сами помните такой факт?

– Вы знаете, я за день делаю не меньше сотни телефонных звонков, а мне звонят – вы сами видели, если помнить каждый... Хотя вот этот я, пожалуй, помню. Да, двадцать четвертого, – он перелистнул свой ежедневник, – мы договаривались с Анжеликой встретиться в два и вместе пообедать. Но меня вдруг вызвали на совещание, и я освободился несколько позже, чем предполагал. Очевидно, я звонил извиниться.

– В котором часу?

– В 2.20 или немного позже.

– И долго беседовали?

– Не помню, но возможно, долго, Анжелика любительница поговорить. Кстати, вам не кажется, что вы злоупотребляете моим временем? Может, в вашем параллельном мире мне уже отведена роль злодея?

– Еще буквально один-два вопроса, – клятвенно заверил Гордеев. А Волгин, вдруг рассмеявшись, пересел поближе к нему и подальше от телефонов и разлил по чашкам кофе, который как раз принесли:

– Давайте уже сразу десять, не желаю видеть вас каждый день.

– В каких отношениях вы были с Ненашевым? – заторопился Гордеев, пока полковник не передумал.

– Мы дружим тридцать лет, как думаете, можно тридцать лет дружить с человеком, к которому плохо относишься?

– А рассказывал он вам о своей работе? Может быть, о каких-то конкретных сделках или о планах, или о проблемах? Может быть, просил помощи?..

– Подробно не рассказывал и помощи не просил. Ничем незаконным он не занимался, по крайней мере, я об этом не знаю. Кредиторы или конкуренты его, на мой взгляд, похитить не могли, а вот чеченцы, например, с целью выкупа... такую возможность я бы отвергать не стал.

– А не замечали ли вы чего-нибудь необычного в его поведении незадолго до исчезновения? Может быть, он был чем-то обеспокоен, излишне нервничал?

– Вы думаете, мы ужинали вместе каждый день? Мы оба достаточно занятые люди, не всегда удается выкроить время даже для общения с семьей.

– А почему все-таки милицееское расследование топчется на месте?

– Скажите спасибо, что оно вообще началось, через неделю после исчезновения они запросто могли не принять заявления. А на месте топчется, потому что Дмитрий жив. Был бы труп – давно бы уже нашли, а живого человека можно упрятать далеко и очень надолго. – Он говорил убежденно, делая долгие паузы между словами, словно ожидая, что каждое из них в ту же секунду превратится в гранитную статую с решительно поднятым кулаком.

Осознав бесперспективность дальнейших расспросов, Гордеев поспешил откланяться.

Впечатление Волгин на него произвел неплохое: сильная личность, такому палец в рот не клади. Но за более чем получасовую беседу полковник не выдал ни одного факта, кроме не очень уверенного подтверждения алиби Корниловой. И чем вызвано неприкрытое нежелание

сотрудничать: простым недоверием ко всему неофициальному или какими-то другими причинами, Гордеев так и не понял.

– Если я еще чем-нибудь смогу вам помочь, пожалуйста, заходите. Мой секретарь всегда подскажет вам, где меня найти, – с некоторым сарказмом заявил полковник на прощание, явно имея в виду совершенно обратное.

ЧДА «Глория». 25 марта

К началу совещания Денис уже имел на руках всю информацию, тем не менее он посчитал, что будет лучше, если каждый выскажется еще раз. Во-первых, так или иначе, придется проводить инструктаж, во-вторых, одна голова хорошо, две лучше, а четыре – больше, может, кто-нибудь выскажет неожиданную идею.

Начал Макс, он отслеживал по открытым официальным данным, кто выступает соучредителями в полутора десятках акционерных обществ, учрежденных Ненашевым.

– Если не углубляться в детали, Ненашев имеет долю в шести мотелях и двенадцати бензоколонках. Или имел. – Макс, по своему обыкновению, говорил неразборчиво, глядя под ноги, как будто стеснялся высокого собрания. А может, таким образом заставлял всех внимательно прислушиваться к каждому произнесенному слову; скорее всего, он и сам затруднился бы ответить, чего здесь больше: дурной привычки или тонкого психологического расчета. – Есть еще две торгово-посреднические фирмы, целиком принадлежащие Ненашеву, но он их использовал исключительно для налоговых трюков, сами по себе они прибыли не приносили. В реально работающих предприятиях его доля не превышает двадцати пяти процентов. Соучредителей в общей сложности около пятидесяти, но все они не самостоятельны – напрямую или через ряд дочерних структур порождены фондом «Спортивная инициатива» или концерном «Русь». И тот и другой, как известно, контролируются небезызвестным господином Гагуа. И такой еще момент: за прошлый финансовый год заявленная прибыль по ненашевским конторам минимальная, балансируют на грани банкротства, тем не менее открыты новый мотель и три бензоколонки. Мораль: Ненашев львиную долю доходов, скорее всего, скрывает от налогообложения, работает под «крышей» Гагуа и имеет со всех своих начинаний ровно столько, сколько тот ему оставляет. Или столько, сколько от Гагуа припрятывает.

Предположения: Гагуа поймал его за руку и примерно наказал. Или Ненашев стал зарываться и потребовал себе большую долю. Или конкуренты Гагуа его прибрали, но тогда это означало бы начало большой войны, которая скорее не происходит, нежели происходит. Или Ненашев испугался, что Гагуа узнает, что он с ним не поделился в соответствующей пропорции, и спрятался. Или Гагуа, зная, что вот-вот начнется отстрел жильцов по мотелям, велел Ненашеву на время залечь на дно. Или Гагуа здесь практически ни при чем.

Предложения по дальнейшей разработке: нужно проверить реальное положение дел в ненашевской неофициальной бухгалтерии, выяснить, кто должен ему, кому должен он, сколько именно, ближайшие перспективы его бизнеса и так далее. Установить все это нужно не только ради общего прояснения ситуации, но и по прямым меркантильным соображениям: поскольку Ненашев жил преимущественно левыми доходами, наша задача заставить Гагуа поделиться зелеными с нашим клиентом, потому что просто так на законном основании он больше двух копеек не получит.

Макс облегченно вздохнул после необычно длинной речи и плюхнулся на место, по-прежнему избегая смотреть коллегам в глаза. Никто вопросов задавать не хотел, поэтому Денис резюмировал:

– Пока как бы все ясно. Значит, Макс продолжает расковыривать ненашевскую черную бухгалтерию, если не будет свежих идей.

– Так, я не буду, как Макс, речугу толкать, – процедил Щербак, – я обошел несколько ненашевских точек, везде одно и то же: ничего не знаем, ни про исчезновение, ни про убийство Лесникова. Но Гагуа якобы дал установку на «добро»: если что, все будут нам помогать с дорогой душой. – Щербак ухмыльнулся: – Само собой, предполагается, если мы не станем лезть, куда не надо. Я вижу это так: Гагуа дает нам понять, что такими козьянками, как Ненашев или какой-то убитый жилец из ненашевского мотеля, он свою драгоценную голову забивать

не намерен, она у него вся занята государственными заботами. Поэтому мы можем делать что хотим, лишь бы не мешали его делам великим. А может, он блефует, он этой историей озабочен донельзя и подсовывает своих людишек в качестве добровольных помощников, чтобы отслеживать наши действия.

– А ты бы проверил, – усмехнулся Голованов, – попросил бы для Макса у кого-нибудь из бензиновых наливаек бухгалтерскую книгу. Или потребовал бы аудиенции у Гагуа. Пусть подписку даст, что не знает, кто Ненашева замочил.

– Ты сам сначала докажи, что его замочили, – огрызнулся Щербак, – может, он за углом пиво дует и над тобой тащится, как ты надрываешься, его ищешь.

– Это вы все ветра в поле ищете, – не остался в долгу Голованов, – а я занимаюсь свитой реального жмурика: водилой лимузина и шлюхами.

– Ну и как успехи? – осведомился Щербак с иронией.

– Сказано: занимаюсь. Будут успехи – устрой брифинг, тебя первым приглашу.

Денис уже жалел, что устроил совещание: толку из него не вышло. Кроме идеи Макса о том, что Гагуа, зная заранее об убийстве Лесникова, приказал Ненашеву скрыться, никто ничего оригинального не высказал. Но надо было довести совещание до конца, тут уж никуда не денешься.

– Я еще раз встречался с секретаршей Ненашева и с мадам Корниловой, – сказал Денис, тщательно подбирая слова, чтобы поскорее закончить. – Секретарша подтвердила, что вместе с Ненашевым исчезли двое его телохранителей, по всей вероятности, они сопровождали его 10 марта на деловую встречу, с которой он не вернулся. С кем он собирался встретиться – ни секретарша, ни Корнилова не знают. Или делают вид, что не знают. Корнилова, на мой взгляд, не вполне последовательна в своих утверждениях. С одной стороны, она всячески меня уверяла, что Ненашев в крупные аферы не лез, дела проворачивал скромные, но брал количеством, если что-то вдруг срывалось, он предпочитал откупиться и не устраивать разборки: в общем, добрейшей души был человек, к тому же очень осторожный. С другой стороны, она настаивала на том, что Ненашева нет в живых, потому что причин скрываться у него нет и похищать его незачем, разве что с целью выкупа, но выкупа за две недели так никто и не потребовал. Про Гагуа она тоже говорила, но с неохотой, по ее словам, он «крыша» и не более, в дела Ненашева напрямую он никогда не вмешивался. Что выглядит неправдоподобно, учитывая сведения, добытые Максом: Ненашев ни в одном из предприятий не владел больше чем четвертью акций, а три четверти принадлежали Гагуа. Значит, на самом деле Ненашев на своих бензоколонках и в мотелях был скорее управляющим, чем владельцем.

Объяснение этим странностям в поведении Корниловой я вижу такое: у нее есть некие обрывочные сведения, из которых можно сделать вывод, что Ненашев убит, а не похищен и не пустился в бег. И она заинтересована в том, чтобы мы расследовали обстоятельства его смерти. Но она боится, скорее всего, Гагуа, хотя, возможно, и кого-то другого. Поэтому изо всех сил стремится втравить нас в драку, а сама при этом остаться в стороне.

И наконец, основная проблема, на мой взгляд, в том, чтобы понять связь между исчезновением Ненашева и убийством Лесникова. Пока мы ее не выясним, дальше не продвинемся.

Да, по поводу футбола. Ненашев ездил примерно год назад в Манчестер и в Милан к Сильвио Берлускони набираться опыта. По итогам поездки представил Гагуа бизнес-план и на его деньги организовал производство клубной атрибутики, профинансировал солидную рекламную компанию и несколько крупных акций по борьбе с пиратской продукцией. Тут вроде все легально, я бы даже сказал, подчеркнуто чисто, прямо клинически. Основной доход, как водится, получал Гагуа, и «Спартак» перепадало, а Ненашев имел «премию от выработки».

ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

«25.03.2000 г.
Срочно. Секретно.
Начальнику 13-го особого отдела УФСБ
по Москве и Московской области.
Дело № 18/686

Ориентировка

на Ненашева Дмитрия Федоровича

Ненашев Дмитрий Федорович, 1950 г. рождения, уроженец г. Москвы, мать – Рыклина Раиса Михайловна, отец неизвестен (Ненашев – фамилия усыновившего его отчима, директора 10-го таксопарка г. Москвы. В 1969 г. Рыклина с ним развелась и снова взяла девичью фамилию). Мастер спорта СССР по футболу, с 1971 по 1978 г. играл за московский «Спартак». Совершил ряд правонарушений, однако к ответственности ни разу привлечен не был. Дважды выступал свидетелем в уголовных процессах. В 1975 г. Д. Ненашев был арестован вместе с напарником по карточной игре, известным в воровской среде шулером, неоднократно судимым Р. Д. Фоминым. Ненашев от сотрудничества со следствием отказался, тем не менее в первый же день был освобожден из-под стражи и далее проходил по делу как свидетель. На суде дал заведомо ложные показания, однако обвинение не стало их опровергать, благодаря чему Фомин получил минимальный срок. В 1977 г. арестован КГБ за незаконные валютные операции (купил у туриста из ФРГ 2000 марок, подсунув в обмен «куклу»). Вопреки процессуальному кодексу освобожден под подписку о невыезде. А впоследствии дело против него было прекращено ввиду нецелесообразности привлечения его к уголовной ответственности. Согласно оперативным данным Отар Гагуа – чемпион СССР по вольной борьбе, крупнейший криминальный авторитет в спортивной среде, и майор службы внутренней безопасности при МВД СССР Константин Волгин, хорошо знакомые с Ненашевым, оказали давление на следствие. (Волгин – также бывший спортсмен, мастер спорта СССР по боксу, практически официально специализировался в МВД на освобождении известных спортсменов от уголовной ответственности и улаживании конфликтных ситуаций между спортивными функционерами и правоохранительными органами.) По оперативной информации, Ненашев принимал участие в ряде разбойных нападений на подпольных предпринимателей и убийстве знаменитого ювелира и скупщика краденого Ефима Исааковича Гальберта. Ни по одному из указанных фактов уголовное дело до суда доведено не было.

В конце сезона 1978 г. Ненашев сломал ногу во время тренировки и после трехнедельного запоя был отчислен из состава «Спартака» за нарушение режима. С декабря 1978 г. работал тренером в детско-юношеской спортивной школе. В феврале 1979 г. за драку с тестем – подполковником ВДВ Усольцевым Ю. К. был задержан на пятнадцать суток, уволен из

ДЮСШ за нарушение трудовой дисциплины и развелся с первой женой – Евгенией Усольцевой. (В браке Ненашев и Усольцева состояли с 1974 г., имели сына Игоря 1975 г. рождения.) В марте 1979 г. Ненашев с матерью, еврейкой по национальности, подали заявление на выезд в Израиль и в сентябре того же года выехали из СССР, но не в Израиль, а в соответствии с широко распространенной в то время практикой сначала в Италию, а через четыре месяца – в США. Рыклина и Ненашев обосновались в Нью-Йорке, где последний стал работать таксистом. Практически сразу по приезду в Соединенные Штаты он женился на советской эмигрантке Юлии Чернявской. В декабре 1980 г. у них родился сын Роберт. В 1983 г. Ненашев с Чернявской развелись. Во время бракоразводного процесса Рыклина дала ложные показания, обвинив невестку в том, что она избивала ребенка. Постановлением суда Чернявской было запрещено встречаться с сыном, после чего она вместе с отцом переехала из Соединенных Штатов в ФРГ и до настоящего момента проживает в Мюнхене. В 1985 г. Ненашев открыл в Бруклине русский спортклуб, но менее чем через полгода обанкротился. В 1987 г. приобрел две бензоколонки в Бруклине. Был оштрафован на десять тысяч долларов за нарушение требований техники безопасности и несоблюдение технических норм (разбавлял бензин водой). В 1989 г. продал бензоколонки и успешно вложил деньги в игорный бизнес. По данным нью-йоркской полиции, поддерживал тесные связи с русскими преступными группировками в Америке. Несколько раз давал официальные показания окружному прокурору по подозрению в соучастии в вымогательстве. С 1997 г. Ненашев постоянно проживает в Москве, является совладельцем сети мотелей и бензоколонок (см. рапорт от 24.03), пользуется покровительством О. Гагуа. Из старых знакомых поддерживает тесные отношения с К. Волгиным, ныне полковником милиции, заместителем начальника контрольного отдела внутренней службы МВД РФ, и Анатолием Паршиным, в прошлом игроком «Спартак», в настоящее время – вице-президентом клуба. Привлек к участию в бизнесе сына от первого брака – Игоря Ненашева и сожительницу – Корнилову Анжелику Иосифовну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.